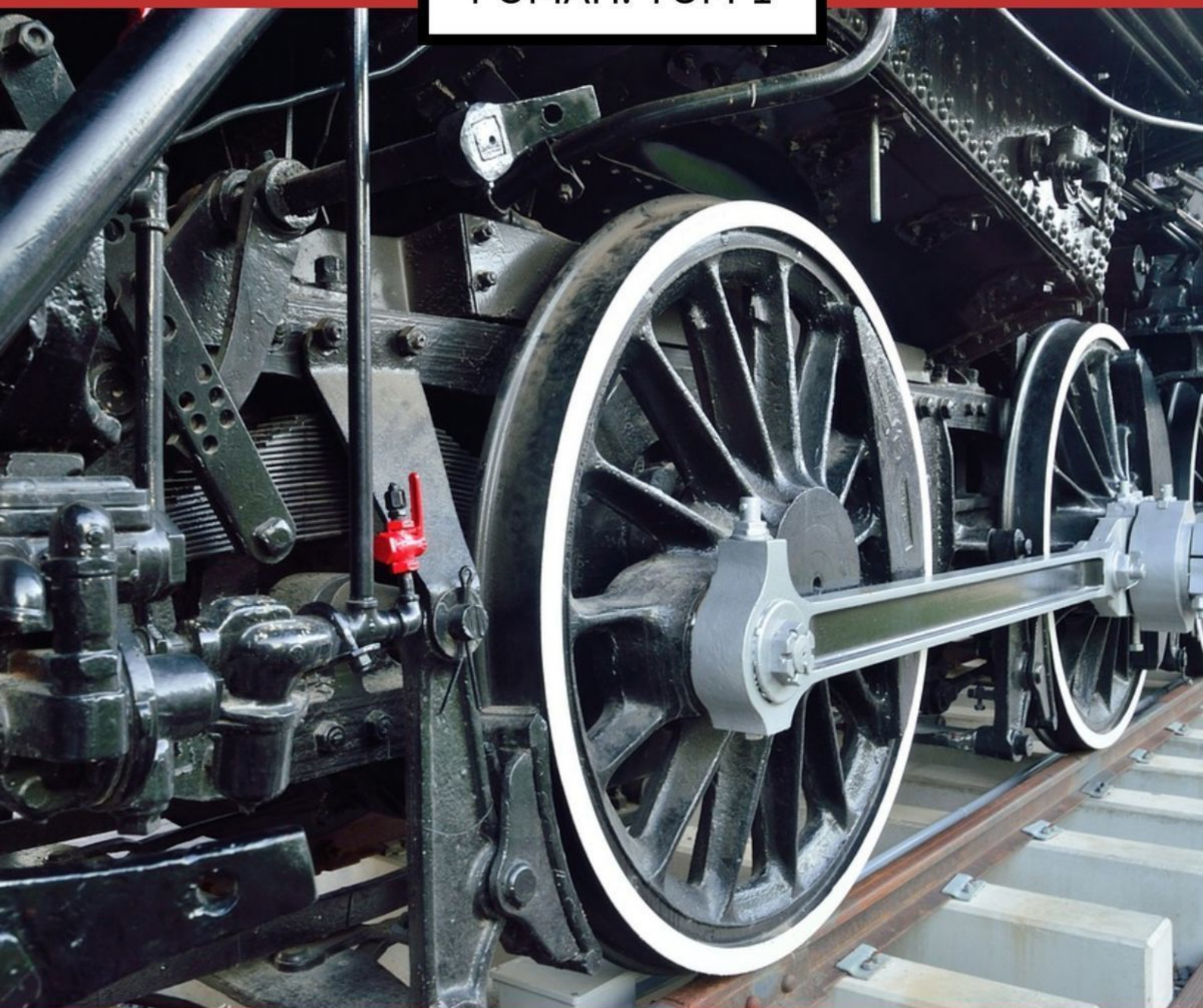

ВИКТОРИЯ ТРАВСКАЯ

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

РОМАН. ТОМ 1

Виктория Травская

**Сопротивление
материала. Роман. Том 1**

«Издательские решения»

Травская В.

Сопротивление материала. Роман. Том 1 / В. Травская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907782-0

Всё, что не убивает, делает нас сильнее. Как мы пережили двадцатый век?
Об этом расскажут судьбы героев — «простых» людей, которые живут в
маленьком городе на юге России. Любят и ненавидят, страдают и радуются,
преодолевая сопротивление неподатливого, жёсткого и жестокого материала
истории. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-907782-0

© Травская В.
© Издательские решения

Содержание

ТОМ 1. НАЧАЛО	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1	7
2	9
6	22
6	25
9	30
10	34
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сопротивление материала Роман. Том 1

Виктория Травская

© Виктория Травская, 2018

ISBN 978-5-4490-7782-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТОМ 1. НАЧАЛО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Десятый класс гудел, как потревоженный улей. Ещё бы: Дед не пришёл на урок! За полвека с лишним работы в школе Иван Ильич Дедов не опаздывал, говорят, ни разу. А потому десятиклассники предполагали самое худшее. Он мог попасть под машину, да и под поезд, в конце-то концов – поскольку жил в Посёлке, то есть в той части городка, которая находилась за железной дорогой. Поэтому каждый день, идя на работу, ему приходилось пересекать железнодорожные пути. И, хотя дед вовсе не был рассеянным старичком (каким ему полагалось быть в его почти восемьдесят лет), но чего не бывает!

Когда *за полотном* построили микрорайон, а вслед за ним и новую школу, районный отдел образования предложил в ней Ивану Ильичу место историка, чтобы почтенный ветеран не переутомлялся, добираясь до своей первой школы целых полчаса пешком (хотя кто его заставлял ходить пешком, если можно было быстро доехать на автобусе, оставалось для всех загадкой). Однако Дедов вежливо, но решительно отказался.

У Ивана Ильича была веская причина оставаться верным прежнему месту работы: школа, которой он посвятил свою жизнь, носила имя его брата, не вернувшегося с войны. В шестьдесят четвёртом, перед двадцатилетием Победы, в школе объявили сбор средств на мемориальную доску с именами выпускников, погибших на фронтах Великой Отечественной. Дедов тогда сколотил группу энтузиастов из числа своих учеников, которую потом уже называли военно-патриотическим кружком. А вначале ребята просто изучали списки выпусков вплоть до сорок четвёртого года, под руководством учителя делали выписки из архивов паспортной службы и военкомата, просматривали подшивки газет и ходили по адресам, разыскивая бойцов или их родственников. Скромняга Иван Ильич, конечно, понимал, что изыскания его подопечных неизбежно приведут их в его дом, и это беспокоило его чуткую совесть: не хотелось «выставляться». Но, как это часто бывает, не было счастья – несчастье помогло: в один год умерли их с Борькой родители, и ходить следопытам стало не к кому. А кроме Дедова, в школе не осталось ни одного учителя, который бы знал их обоих и мог связать одну фамилию с другой. В результате поисков образовался список из восемнадцати фамилий, и учительница русского языка и литературы предложила провести конкурс на лучшее сочинение о герое, а именем героя победившей работы назвать школу. В жюри конкурса, которое ради объективности было составлено из ветеранов и заслуженных железнодорожников, не оказалось никого, кто бы знал, что учитель истории Дедов – сводный брат Бориса Матвеева, которого многие из них помнили.

Тогда уже девочки и мальчики учились вместе, а набор в школы проводился «по территориальному признаку», то есть в каждом районе имела школа, куда его жители и отдавали своих детей. О подвиге Бориса Матвеева писала скромная девочка из восьмого класса, которая даже не входила в военно-патриотический кружок. Папки с собранными материалами хранились в читальном зале школьной библиотеки, где каждый желающий мог с ними ознакомиться. Сочинение молчаливой и серьёзной Ларисы Овсепян, до сих пор не привлекавшей к себе особого внимания, растрогало фронтовиков до слёз. На другой день после заседания в актовом зале состоялось общешкольное собрание, на котором и был объявлен победитель, выбранный единогласно. Так школе было присвоено имя Бориса Матвеева.

Дедова в городе очень уважали и даже, вопреки традиции, не «выпихивали» на пенсию, потому что он не только пользовался заслуженной славой лучшего учителя истории, но и не проявлял ни малейших признаков старческой слабости. Как сам он отвечал тем, кто

удивлялся состоянию его интеллекта, «человеку, который всю жизнь работает головой, маразм не страшен».

К тому же Дед, несмотря на почтенный возраст, практически не болел. Это был крупный, жилистый, кряжистый старик с угловатым черепом, на котором ещё сохранились остатки седой гривы, с кустистыми седыми бровями и пронзительным взглядом синих глаз. Он не носил ни усов, ни бороды. Его скуластое лицо с крупным носом несло печать своеобразной суровой красоты обветренного и высушенного солнцем крестьянина или моряка. Словом, ничего похожего на скромного интеллигента-домоседа.

В школе шутили, что Дед знает секрет бессмертия и что на самом деле ему не меньше трёхсот лет – просто все, кто его знал «в прошлых жизнях», уже давно умерли, включая и паспортисток из домоуправления, которые подделывали ему документы. Впрочем, появлению подобных слухов невольно способствовал и сам Иван Ильич, повествуя о событиях вековой давности с живостью и непосредственностью очевидца...

И вот случилось невероятное: Дед не явился к первому уроку! Человек, который никогда не опаздывал! И к кому даже самые отпетые балбесы не смели опоздать на урок!

Сидя на подоконнике, шуплый Юрка Камарзин демонстрировал все признаки анархии.

– И чё? И чё мне за это будет?! – хриплым баском покрикивал он на крупную Ольгу Седых, потенциальную медалистку, правильную и принципиальную.

– Седых, не будь занудой, – выкрикнул Шутов, не оборачиваясь от доски, на которой он рисовал мелом логотип своей любимой рок-группы, тщательно прорабатывая детали готического шрифта. – Ну, сидит человек на подоконнике, и что? Кому мешает? Подоконника он не сломает, мелковат...

– Мелковат! Все вы мелковаты! Как и ваши поступки, – не унималась Ольга. – Может, Иван Ильич сейчас где-нибудь мёртвый лежит, а вам наплевать! Бардак тут устроили!

– Дура! – буркнул Камарзин и сполз с подоконника. Шутов перестал рисовать и медленно повернулся.

– С ума сошла?! – слабым голосом простонала Юлька, хрупкая и очень впечатлительная. Её большие прозрачные глаза вдруг покраснели и наполнились слезами. – Ты что, правда, думаешь, что он умер?

– Евсеева, брось! Ты что, не знаешь – Дед бессмертен! – с кривой ухмылочкой проговорил Шутов. Он всё ещё стоял у доски с мелом в руках. Сказал, впрочем, без обычной уверенности. Все знали, что у Юльки глаза на мокром месте, но всё равно стало как-то не по себе. Рассудительная Света Камарзина, Юркина сестра-близнец, вздохнула и отвернулась к окну, за которым качалась от студёного февральского ветра верхушка голубой ели.

– В его возрасте всё возможно.

– Ой, ну вот не надо! – манерно произнесла Кравцова, признанная красавица десятого «А», откликавшаяся только на имя Натали, да и то по настроению. – Вы ещё начните на венок скидываться!

Неразлучная троица Омельченко, Селезнёва и Буковская озабоченно шепталась в дальнем от окна ряду, поглядывая на остальных. Двухметровый детина Шпаков по кличке Шпагат, сдвинув белёсые брови, сооружал что-то на парте из подручного материала – собранных поблизости учебников, тетрадей, ручек и прочего добра. За процессом наблюдала незлобивая компания «жителей Камчатки», вполуха прислушиваясь к разговорам вокруг и подсовывая Шпагату недостающие стройматериалы. Не то чтобы им было всё равно, просто упражнения в остроумии не были их сильным местом. «Жители Камчатки» привыкли выражать свои эмоции действием – в данном случае их тревога находила выход в сооружении этой смешной вавилонской башни. Только однажды за всё то время, пока в классе высказывались и обсуждались версии отсутствия их классного руководителя, Долженко вклинился с вопросом:

– Эй, у кого ещё есть треугольник?..

2

Завуч Ольга Платоновна по пути к своему кабинету привычно заглянула в учительскую – не засиделся ли за дружеской беседой кто-нибудь из коллег? Звонок был минут пятнадцать назад, и такое пренебрежение обязанностями было бы вопиющим нарушением трудовой дисциплины со всеми вытекающими последствиями. Но Ольга Платоновна потому и стала завучем, что никогда и ничего не оставляла на волю случая. Она проработала в школе уже больше двадцати лет и помнила все тайны – и мрачные, и смешные – которые и хранили эти стены.

Она знала, что ученики – да уже и некоторые учителя из числа молодых – между собой называют её СС. Можно сказать, сама приложила руку к появлению этого прозвища, когда в беседах с провинившимися напоминала им:

– Запомните, что моя фамилия Строгая! Так и есть: я Строгая. Но – Справедливая!

Это «строгая, но справедливая» с лёгкой руки какого-то озорника сократилось до СС. Прозвище прижилось, и Ольга Платоновна втайне даже гордилась им.

Оглядев с порога просторную комнату учительской с тремя восточными окнами (утром светло, после обеда не жарко), она уже повернулась, чтобы выйти, когда заметила на этажерке одинокий классный журнал. Очень редко, но иногда коллеги всё-таки забывали взять классный журнал, хотя этажерка стояла у самой двери, а на самой двери завуч собственноручно укрепила табличку с единственным словом, выведенным красным фломастером: ЖУРНАЛ!

Она протянула руку за журналом. Десятый «А»?! Этого не может быть! Ольге Платоновне не требовалось сверяться с расписанием, чтобы понять, что журнал должен был забрать Дедов, потому что у десятого «А» первый урок – история. Ну ладно, Марьянкина или этот плеейбой Варапаев, но чтобы Иван Ильич забыл взять журнал, верилось с трудом. И, с журналом в руках, Ольга Платоновна направилась в кабинет истории.

Ещё в начале коридора третьего этажа ей стало понятно, что учителя в классе нет. Она была на полпути к своей цели, когда дверь распахнулась, ударилась о стену, послышались звуки борьбы, сопровождаемые воинственными криками из глубины класса. Здесь, должно быть, в схватке наступил перелом, и на середину коридора – чуть ли не под ноги завучу! – вылетел красный всклоченный Борька Воробей, забияка и анархист десятого «А», к которому (к Борьке) Дедов по непонятной причине питал почти отцовскую привязанность.

Борька вскочил и уже было бросился обратно, когда боковым зрением увидел завуча. Сверкнув в её сторону озорными глазами и непроизвольно одёрнув синий школьный пиджак, он пулей ворвался в класс, извещая всех громким шёпотом:

– Атае! СС идёт...

Когда Ольга Платоновна вступила в класс, её встретила зыбкая, готовая в любой момент взорваться тишина. Напряжение заполняло класс, как статическое электричество. Оно искрило в глазах учеников, таилось в их принуждённых позах и – искало выхода...

3.

«Это и есть духовная жизнь:
самые обычные вещи,
которые делаешь день ото дня,
час от часу». Неужели
всё и правда настолько просто?

Филлис Джеймс

Меня всегда ставил в тупик вопрос о моём идеале мужчины. Все требуемые качества никак не совпадали в одной персоне. В конце концов, я сформулировала некую максиму: красота мужчины заключается в его поступках. А этому критерию так или иначе соответствуют

самые разные люди. Но всех их роднит одно чрезвычайно редкое качество: ни один из этих мужчин не считает себя пупом земли.

Дедов был именно таким. Несмотря на свои незаурядные познания, он был далёк от того, чтобы даже в глубине души считать себя избранным, представителем некой интеллектуальной элиты – этаким небожителем. Ходячим эталоном. Он был плоть от плоти тех людей, среди которых жил.

Этому, наверное, способствовала сама его судьба, о которой он не любил распространяться – сначала в силу советской привычки скрывать те факты биографии, которые не укладывались в прокрустово ложе официальной идеологии. Позднее, когда начались перемены и прессу заполонили душераздирающие жития «жертв режима», ему просто претило выпячивать свою семейную драму. Его семья была одной из миллионов семей, по которым прокатилось колесо истории, и то, что с ними случилось, не было ни его заслугой, ни причиной надевать ореол мученичества.

...Был сухой и знойный август, и они с ребятами проводили целые дни на речке, неглубокие, но стремительные воды которой весело катились по каменистому руслу. Там, под ивами, окрестная детвора устраивала запруды из обломков известнякового сланца, которыми было выложено ложе реки. С утра до самого вечера, пока солнце не скроется за грядой голых, покрытых чабрецом и ковылями холмов, прозрачная вода запруды кипела от загорелых детских тел и долина оглашалась звоном голосов, старавшихся перекричать шум реки.

Но каждый из них помнил, что надо вернуться домой до наступления темноты, и в ранних сумерках, обессиленные купанием и шумными играми, они молча шли через поля, в которых оглушительно пели невидимые цикады – казалось, это сама высушенная солнцем и ветром земля звенит, отдавая тепло.

В один из таких вечеров, подходя к дому с другом и соседом Борькой, они увидели у ворот Борькиного отца, дядь Лёшу. Он был, по случаю жары, в майке, которая одна белела в сгустившихся сумерках. Лица не было видно, только красный огонёк папиросы подсвечивал усы. В этом не было ничего необычного – дядь Лёша частенько выходил встречать сына, и Ваня уже приготовился, бросив на ходу «здрассте», войти в ворота. Но в этот раз сосед крепко взял его за плечо:

– Стой, сынок... И ты, Борька, стой.

Только тут Ваня заметил, что в окнах их квартиры темно. Но он не испытал никаких дурных предчувствий – так прочен и надёжен казался ему мир его детства, что тревожные мысли если и посещали его вихрастую голову, то уж точно не задерживались в ней. Всё, что было вокруг плохого и непонятного, казалось далёким, происходящим с какими-то другими людьми.

– У вас никого нет. Сейчас мы идём к нам, – сказал дядь Лёша каким-то чужим голосом и повел их через ворота вглубь двора, где, в полуподвальном этаже, жила Борькина семья. В передней комнате ярко горела лампочка под потолком, а у старой, дореволюционной ещё плиты, стояла Борькина мать, тётя Дуся. В комнате, которая «при господах» была кухней в этом большом доме, аппетитно пахло борщом и жаренной на постном масле картошкой с луком. Вторая, сейчас тёмная комната, бывшая кухаркина, дверь в которую была открыта, служила родителям спальней, а Борька спал здесь – на кухне, на топчане за занавеской, в бывшей кладовой.

– Ну, хлопцы, мыть руки и за стол! – приказал дядь Лёша и подтолкнул их к висящему на стене умывальнику. Пока они с Борькой возились с мылом и полотенцем, тётя Дуся принялась накрывать. Её муж уже сидел на хозяйском месте, напротив двери, перед ним стояла глубокая миска с борщом. На большой плоской тарелке посреди некрашеного массивного стола лежали горкой ломти хлеба, были разложены ложки. Мальчики сели рядом, по левую руку от хозяина. Ваня спросил:

– Дядь Лёш, а где мама с папой?

Тот глянул на мальчика и отвёл глаза.

– Вот поешь, тогда скажу. Садись, мать, уже...

Только теперь, когда Дуся села напротив, Ваня увидел её лицо. Оно было опухшим, а глаза – красными. Тут Ваня впервые встревожился: Матвеевы жили дружно, и он никогда не видел, чтоб Дуся плакала.

Но ужасно хотелось есть, Борька уже рядом молотил ложкой, и Ваня последовал его примеру...

Только когда непривычно молчаливая Дуся поставила перед ними по стакану узвара, Алексей Петрович решительно прокашлялся и заговорил.

– Вот что, Иван... (Ваня даже не сразу понял, что обращаются к нему). Ты уже большой, поэтому говорю тебе как есть: твоих сегодня забрали...

Не было смысла спрашивать, кто забрал и куда: это знали даже сопливые ребятишки. «Забрали» означало, что приехал «воронок» с людьми в форме и с главным в чёрной кожанке, перевернули вверх дном весь дом, а потом увезли хозяев в скучное кирпичное здание на окраине, откуда редко кто возвращался.

Иван Ильич до сих пор помнил тот животный страх – будто на тебя неотвратимо надвигается что-то огромное, бездушное, и оно через мгновение поглотит тебя, раздавит, вопьётся огромными железными зубами... Как он инстинктивно зажмурился, зажал уши ладонями и открыл было рот, чтобы закричать – но крика не получилось, только жалкий, сиплый писк человека, которому снится кошмарный сон, а он никак не может проснуться...

Он смутно слышал сквозь ладони, как всё вокруг пришло в движение. Громкие отрывистые слова дяди Лёши, растерянную Борькину скороговорку, отрывистый вскрик его матери, грохот отодвигаемых табуреток.

Очнулся в мягких Дусиных объятиях. Прижимая его полной рукой к тёплой груди под цветастым выгоревшим ситцем, она покачивалась с ним вместе взад-вперёд и бормотала какие-то бессмысленные ласковые слова. Последнее, что Ваня смутно помнил, проваливаясь в шестнадцатичасовой глухой сон, было суровое страдальческое лицо Алексея Петровича – Бати – когда тот укладывал его на Борькину постель.

Потом он узнал, что ночью Матвеевы сходили в его – бывшую теперь – квартиру, собрали и вынесли все Ванины вещи и то ценное, что ещё осталось после визита незваных гостей. Много из припрятанного деятельной Дусей было обменено на продукты в войну, но прадедовы часы с маятником в футляре из красного дерева – ходики – до сих пор висели в гостинной Ивана Ильича и неутомимо отстукивали время.

Когда за мальчиком пришли, чтобы определить его в детдом, Алексей Петрович заявил, что Ваня останется у них, припечатав ревностную чиновницу неотразимым аргументом: дескать, сын за отца не ответчик! Товарищ уполномоченная знает, кто это сказал? Может, она не согласна с нашим великим вождём товарищем Сталиным? «Ну, как знаете, товарищ Матвеев, – сдалась та. – Но имейте в виду...» Что следует иметь в виду товарищу Матвееву, она так и не пояснила. Это стало понятно потом, когда в городке узнали, что сменный мастер железнодорожного депо Алексей Петрович Матвеев и его жена усыновили ребёнка «врагов народа». Однако Батя был не из пугливых: он не только растил Ваню как родного сына, но и Борьке строго-настрога наказал не давать его в обиду: «Запомни – вы теперь братья!»

Так оно и шло. «Юноши не носят своё горе как платье»¹, и спустя какое-то время Ваня вполне освоился в «поварне», как называли полуподвальную квартирку здешние обитатели – до революции Дедовым принадлежал весь дом: дед, Аркадий Валерьянович, был директором реального училища. Сначала это был просто особнячок с четырьмя комнатами наверху и тремя

---

¹ О. Генри, «Короли и капуста».

(кухней, столовой, она же гостиная, и кабинетом) внизу. Но семья росла, и когда родились дети, к дому пристроили флигель, в цокольный этаж которого переехала и кухня с комнаткой кухарки, а в бывшей кухне оборудовали «удобства».

Когда утвердилась советская власть и стали расселять из лачуг бедноту, новое городское начальство нашло у Дедовых излишки жилой площади. Отца, Илью Аркадьича, в городке уважали. Он служил инженером на железной дороге, а Раздольный уже тогда был крупным железнодорожным узлом, дававшим работу едва не половине взрослого населения. А если учесть, что большинство служащих железнодорожных мастерских в своё время учились у Дедова-старшего, то авторитет семьи казался незыблемым. К двадцать восьмому году из большой семьи Дедовых в доме проживали сам Илья Аркадьич с женой и сыном и его вдовья мать – шумный жизнелюб и балагур Аркадий Валерьяныч тихо умер во сне за два года до Ваниного рождения. Сёстры разъехались ещё раньше – старшую, красавицу Зою, революция застала в Афинах, где она гостила с мужем, понтийским греком и успешным коммерсантом, у его родных; там они и остались – сначала в надежде переждать смуту, но как оказалось, навсегда. А младшая, Сонечка, поехала в столицу на женские медицинские курсы, вышла замуж за ассистента профессора, и теперь они вместе *строили советское здравоохранение*.

В последний год своего директорства – «ещё до всего», как говаривал Аркадий Валерьянович, – он как-то раз привел обедать своего любимого ученика, Лёшу Матвеева. Алексей как раз заканчивал учёбу, и дедушка захотел показать его сыну, чтобы тот похлопотал за него в мастерских. «Вот увидишь, Илюша, у него не только руки золотые – у него умище! Инженерный ум! – грохотал по дому раскатистый отцовский бас. – Он механику не хуже меня знает, но это пустяки. Ты бы видел его опыты с электричеством! Доказывает, что будут ходить поезда на электрической тяге, представляешь? Всю доску формулами исчертил!...»

Молчаливый, с лукавыми искорками в глубоко посаженных серых глазах, Алексей всем понравился. Когда после окончания реального училища он устроился в депо учеником слесаря, Дедовы по общему согласию предложили ему комнату во флигеле над кухней. Как раз в это время старая кухарка Карповна слегла с ревматизмом. Когда спустя месяц старушка впервые встала со своего топчана, стало понятно: она своё отработала. Послали в станицу за её дочерью.

В этот вечер Алексей во второй раз появился в дверях Дедовской гостиной. Аркадий Валерьяныч, который коротал вечер, раскладывая пасьянс, поднял голову от карт.

– А, Лёша! Заходи.

Алексей робко сделал полшага и откашлялся.

– Ну? Что там у тебя?

– Аркадий Валерьяныч, я тут подумал... Карповна уедет, а вам же всё равно нужна кухарка...

Тут все трое увидели, как из-за его спины вышла веснушчатая худенькая девушка с непослушными русыми кудряшками, которые она тщетно пыталась укротить с помощью гребней и тугой косы.

– Это Дуся... Евдокия Гусева, то есть.

Дуся наконец решилась и вышла вперёд.

– Здравсьте, – произнесла она, краснея, но храбро глядя в глаза хозяину.

Илья смотрел на эту сцену с весёлым любопытством, Аркадий Валерьянович силился придать себе строгий вид, а тихая Наталья Семёновна сказала просто:

– Здравствуйте, Дуся. Сколько вам лет?

Дуся бросила на Алексея снизу вверх быстрый взгляд.

– Семнадцать, но вы не подумайте, – затараторила она. – Я умею готовить, меня бабушка всему научила: и борщ, и вареники! Пироги могу – бабушка говорит, что моё тесто лёгкое, легче, чем у неё даже. А моя бабушка самому Кравченко готовит – знаете «Бакалею Кравченко»

на Купеческой? Когда мать умерла, отец на молодой женился, вот я и живу с бабушкой, и... – Девушка вдруг остановилась на полном скаку – это Алексей дёрнул её за рукав.

Все присутствующие уже откровенно забавлялись этой сценой, даже Аркадий Валерьянович не смог удержать серьёзность и ухмылялся в усы.

– Где ты нашёл это сокровище? – улыбаясь во весь рот, спросил Илья.

– Вы же слышали: в бакалее Кравченко...

– Алексей Петрович у нас чай и сахар покупают, – перебила неутомная Дуся.

Несколько дней спустя Дуся уже водворялась в Дедовской поварне: мыла окна и полы, стирала занавески – пока на плите поспевал обед или ужин. В воскресенье, ближайший выходной, Алексей встал до свету, и они с Дусей на пару перебелили стены и потолки в самой поварне и в прилегающей к ней спальне – когда девушка принесла господам чай, в её кудрях ещё были видны следы извёстки. Наталья Семёновна самолично отправилась на кухню, чтобы оценить, как устроилась её новая прислуга, всё одобрила и даже подарила стёганое ситцевое покрывало на кровать.

Стряпухой Дуся и впрямь оказалась отменной, а кроме того обладала неуёмной энергией и уживчивым, смешливым нравом. После мешкотной ворчуньи Карповны дом, казалось, повеселел, наполнившись деловитой Дусиной скороговоркой. Аркадий Валерьянович нахвалиться не мог её пирожками и нарочно зазывал гостей, с чувством потчует их изделиями своей новой кухарки. Его супруга, посмеиваясь, говорила, что Дуся «совсем прибрала его к рукам».

К весне Алексей из учеников перешёл в слесари, и на Троицу сыграли скромную свадьбу. Так Матвеевы воцарились во флигеле, где спустя положенное время родился их первенец Борька. А вскоре, летом двадцатого года, женился и Ванин отец, но это уже другая история...

В столицах грянула революция, Первая мировая сменилась Гражданской войной, но здесь, на южных окраинах империи, люди продолжали жить как прежде, ещё не принимая всерьёз роковые события – перемелется! Служащие «железки» имели бронь, так как их работа обеспечивала снабжение армии, поэтому и Алексей Матвеев, и Илья Дедов уцелели в этой войне.

4.

Но многих, кого пощадили войны, поглотила ненасытная революция.

Началось с «уплотнения». Дедовы были из последних, к кому подселили большую и шумную семью. Семейство Гришки – бывшего сидельца² питейного заведения, а ныне начальника продотдела Григория Васильевича Ивахнюка – состояло из самого Гришки, его жены Надежды, а также тётки Любовь Ефимовны и двух дочерей, десяти и пятнадцати лет. Дедовы отдали им весь верхний этаж и теперь жили в двух нижних комнатах: родители – в бывшем кабинете, а Ваня с бабушкой – в дальней половине гостиной, которую для этого отделили плотными портьерами.

Ивахнюк на должности раздобыл и преисполнился чувства собственной значимости. И хотя к его лоснящейся физиономии, казалось, намертво приклеилась угодливая улыбочка сидельца, на дне своей мелкой душонки он затаил классовую злобу на «господ». Когда, пьянея от собственной дерзости, он первым подал руку Илье Аркадьевичу, эта короткопалая потная рука повисла в воздухе, а новый сосед вполне равнодушно пожелал ему доброго дня и скрылся за дверью. И Гришка затаил обиду. Прежняя работа, казалось, сделала его нечувствительным к грубости пьяных посетителей: он вполне равнодушно пропускал мимо ушей бранные слова и деловито выпроваживал перебравших клиентов. Но кое-кто из его особо отличившихся обидчиков знал, что Гришка не так прост и что на самом деле он ведёт скрупулёзный учёт всем своим унижениям. Он научился прислушиваться к пьяным откровениям и хранил их

---

² Продавец в казённой водочной лавке

до поры в своей цепкой памяти. Обычно ничто из услышанного не выходило за порог заведения, но Ивахнюк научился использовать некоторые факты с несомненной для себя выгодой. Всеми порами своего поруганного существа он жаждал реванша, и он его получал – гораздо чаще, чем можно было ожидать. Несколько мелких мошенников и неверных мужей охотно оказывали ему небольшие услуги в обмен на «скромность». Но самым крупным своим успехом – до прихода большевиков – сам Гришка считал женитьбу на дочери полицейского пристава. Рыльце у будущего тестя было сильно в пушку, о чём Ивахнюк, как обычно, подслушал в распивочной. Он не поленился, проверил сведения – результаты оказались даже более впечатляющими, чем это следовало из жалоб и проклятий пострадавшего, который в течение вечера усердно заливал своё горе. Гришка почесал голову и пригляделся повнимательнее к приставской дочке. Надежда была не красавица, но вполне себе ладная и нрава покладистого, и он вполне резонно предположил, что на безрыбье она будет рада любому жениху.

Когда Надежда, зардевшись, сообщила отцу, что выходит замуж, разгневанный пристав прямо от питейного прилавка отволок Гришку в участок. Откуда последний спустя полчаса вышел уже в статусе жениха и, посвистывая, направился назад, к месту службы.

Но эта необъяснимая женитьба имела и другие последствия. Клиенты стали побаиваться Ивахнюка, некоторые даже стали обходить заведение стороной. К тому же негоже зятю полицейского пристава служить подавальщиком в питейной, и тесть обстригал с Гришкиным хозяином уговор: Григорий становится управляющим, а сам хозяин может рассчитывать на снисхождение *властей*.

С этих пор заведение процветало, а тихая, безропотная Надежда родила одну за другой трёх дочерей (средненькая, правда, умерла во младенчестве от краснухи). И быть бы Гришке в дамках³, если б не война и не революция...

От войны, правда, Бог миловал: к тому времени тесть вышел в отставку и Григорий остался единственным кормильцем большой семьи.

С большевиками было похуже, но выручило умение держать нос по ветру. Не замораживаясь идеями мировой революции, он быстро понял две вещи: во-первых, новая власть благоволит к бедноте и пролетариям, а во-вторых, эта новая власть почти поголовно представлена клиентами распивочной, которых он знает как облупленных. И ещё, для верности, надо вступить в ихнюю партию большевиков, но эту задачку Ивахнюк решил играючи: достаточно было поотираться на одном-двух митингах, чтобы понять, чем дышат эти самые большевики. Самое рискованное было не промахнуться – а ну как завтра скинут комиссаров, и тогда тем, кто имел с ними дела, не поздоровится! Но и тянуть значило упускать свою выгоду. Он всё-таки выждал немного для верности, и когда стало ясно, что «эти» пришли всерьёз и надолго, отправился в райком.

В анкете указал происхождение – пролетарское (А какое же ещё? Отца он не знал, мать мыла полы по домам и померла, когда Гришке едва исполнилось девять лет – тут-то его и взял хозяин распивочной, на которого он до пятнадцати лет горбатился за еду и кров: бегал по поручениям, носил воду, топил печи, убирал в доме – словом, делал что скажут), род занятий – заведующий питейным заведением; поддерживает революцию и хочет внести свой посильный вклад.

Новые власти оценили благородный порыв и, учитывая опыт Григория Васильевича (а также, несомненно, его обширные связи), поставили его руководить районным продовольственным отделом.

Осмотревшись и освоившись в должности, Гришка, благодаря приятельству с завжилотделом райкома, вовремя подсуетился и записался в очередь «на улучшение жилищных усло-

³ Термин игры в шашки: дамка – это шашка, доведенная до последнего горизонтального ряда клеток противника и получившая право передвигаться на любое число клеток в любом направлении. «Попасть в дамки» – здесь: добиться успеха.

вий» – семья жила в обычной казацкой мазанке на отшибе. После чулана при распивочной, в котором он обитал до женитьбы, этот белёный пятистенник казался ему царскими хоромами, но теперь там стало тесно. И хотя тесть помер на третий год после водворения Гришки, но семья-то выросла! Ушлый заведующий жилотделом подсказал приятелю самые лакомые дома, подлежащие «уплотнению», и Гришка положил глаз на Дедовский особняк.

Ждать, впрочем, пришлось долго: неизвестно почему, но подселение к Дедовым постоянно оттягивали. Отдавая должное поджарке с первачом у Гришки на кухне, завжилотделом неловко оправдывался – дескать, уж больно семья уважаемая, сам председатель у ихнего батюшки учился и потом с ихним сыном в депо работал. Может, Григорий Васильич другой дом возьмёт? Вон, бывший дом Кириакиди хотя бы – на него, правда, отдел образования нацелился, но если Григорий Васильич согласится...

Но Гришка стоял на своём: только дом Дедовых! Плевать ему на хозяев, он в реальном училище не учился и на железке не работал и не понимает, что за цаца такая этот Дедов, что ему можно жить вчетвером в семи комнатах, когда он, честный труженик, вынужден вшестером ютиться в этой халупе!

И таки дождался: в конце лета жилотдел вручил ему долгожданный ордер. Перед тем как поставить на нём свою подпись, председатель лично навестил Илью Аркадьевича, чтобы объяснить ситуацию. Но тот уже был готов к такому повороту – на всей улице почти не осталось дома, куда бы не подселили одну-две семьи. Да и в Дедовском флигеле, над поварней, где раньше была Илюшина детская – самая тёплая и солнечная комната в доме – уже с полгода жило семейство машиниста, которое, впрочем, привёл сам хозяин.

Так что к моменту заселения Ивахнюков Дедовы уже смирились с такой перспективой и отнеслись к этому событию не то чтобы равнодушно, но довольно спокойно. Разве что Наталья Семёновна всплакнула, освобождая верхние комнаты для новых жильцов – она-то здесь жизнь прожила! Здесь родились её дети, на этой кровати тихо скончался дорогой её Аркадий Валерьянович, балагур и жизнелюб...

О том, чтобы водить дружбу с новыми соседями, у Дедовых и мысли не было: уж слишком разные они люди. Слушая, как подымается по лестнице грузная и одышливая Гришкина тётка, Наталья Семёновна даже её жалела по-стариковски. Надежду было почти не слышно, а вот девчонки дробно стучали каблуками по деревянным ступеням и то и дело отчаянно ссорились. Покой воцарялся только на то время, что они были в школе, или совсем уж вечером, когда возвращался со службы Гришка, который мог унять их одним только взглядом: тишина воцарялась сразу же, как только на лестнице раздавались его шаги.

Гришкина тётка, а то и сама Надежда, порой стучались в дверь Дедовской квартиры – обычно за какой-нибудь хозяйственной нуждой. И одна, и другая подолгу тёрли ноги о половичок, прежде чем войти. Сердобольная Наталья Семёновна помогала чем могла. Она даже занавески в верхних комнатах оставила, не говоря уж о мебели, так что женщины жили между собой мирно.

Но Григорий чувствовал себя оскорблённым.

Для этого не было никаких рациональных причин, если не считать прохладного приёма Ильи Аркадьевича в день заселения. Однако почему-то именно этот момент оказался последней каплей в чаше Гришкиных унижений. Как водится, он «записал должок» в соответствующий уголок памяти и стал ждать своего часа. Он больше не протягивал руку и ни разу не перешагнул порог своих соседей, но, встречаясь с ним на крыльце, они и не догадывались, что маховик запущен и начался обратный отсчёт их хрупкого благополучия...

Новая власть остро нуждалась в специалистах, большинство из которых в революцию покинули страну, и положение Ильи Аркадьевича казалось незыблемо прочным. Он принял революцию довольно безразлично. Тесно общаясь с рабочими железнодорожных мастерских и пользуясь их доверием, он, конечно, не мог не знать о том, чем они дышат; ему не раз при-

ходило вырывать тех, кому грозило увольнение за участие в марксистских кружках. «Вот вы над ними квохчете, как наседка, господин Дедов, – говорил его начальник. – А вы не думали, что будет, ежели эти карбонарии, не дай Бог, придут к власти? Думаете, они вас пощадят?» Но Илья продолжал верить, что все эти кружки – не более чем детская болезнь, и нельзя допустить, чтобы от каких-то там глупостей пострадало дело. Ведь хороший мастер – на вес золота! И потом, железные дороги необходимы любому правительству, каких бы воззрений оно ни придерживалось: людям надо ездить в другие города, заводам и фабрикам необходимо подвозить сырьё и вывозить продукцию, городам требуется продовольствие, и никакая власть этого не отменит.

Вот и теперь Илья Аркадьевич продолжал работать почти так же, как и раньше, если не считать определённых проблем с материалами и запасными частями, которые возникли во время войны. Но он и руководимые им мастера научились своими силами выходить из положения, вытачивая необходимые детали из подручного материала.

Теперь начальником всего этого железнодорожного хозяйства стал бывший сменный мастер колёсного цеха Даниленко – тот самый, у которого проходил выучку юный Алёша Матвеев. Бывший управляющий покинул город вместе с отступающими частями Добровольческой армии, и больше о нём никто ничего не слышал. Впрочем, Даниленко и Дедов сохранили хорошие отношения, несмотря на то, что поменялись местами. Новый начдепо охотно советовался с Ильёй Аркадьичем и даже предлагал ему вступить в партию большевиков. Дедов удивился.

– Это ещё зачем?

– Чтобы приносить пользу Революции...

– А я разве не приношу? По-моему, Егор Кондратьич, как раз на это твоя партия пожаловаться не может.

– Это конечно, – Даниленко в задумчивости принялся щипать седеющий ус, что всегда было у него признаком затруднения. – Только я-то эту кухню знаю: пока вы беспартийный, доверия вам нет. Вас ни за что не повысят в должности.

– Да и леший с ним, с повышением! – нетерпеливо отмахнулся Илья, разворачивая листы с чертежами на пустом тарном ящике.

Алексей теперь стал сменным мастером, сменив в этой должности Егора Кондратьича. А неунывающая Дуся продолжала хлопотать по хозяйству, стряпая на две семьи и покрикивая на путающегося в ногах Борьку.

Однажды в ранних мартовских сумерках Илья направлялся домой привычным маршрутом, через пути, когда краешек его взгляда зацепил что-то необычное. Он остановился и, посмотрев в эту сторону, увидел в конце перрона, под фонарём, одиноко сидящую фигурку. Это было странно, ведь последний поезд ушёл уже с полчаса назад, а следующему на этот путь прибыть ещё не скоро. Подойдя поближе, он разглядел сидящую на чемодане девушку – на вид почти девочку: впечатление её хрупкости только усиливалось чёрными пальто и шляпкой. Девушка зябко прятала кисти рук в рукава пальто и испуганно смотрела на приближающегося Илью.

– Могу я вам чем-то помочь?

Незнакомка помотала головой и прошептала бледными от холода губами:

– Нет, спасибо...

– Вы кого-то ждёте? Извините, что я спрашиваю, но я здесь работаю. Ближайший поезд будет не раньше восьми, и он приходит на другой путь...

Девушка опустила глаза, и по вздрагивающим плечам Илья понял, что она плачет. Шагнул к ней, он наклонился и взял её за плечи, стараясь поймать её взгляд.

– Ну-ну, полно. Не плачьте. Что случилось?

Но она продолжала прятать лицо, прижимая к губам скомканный платочек. Илья присел на корточки и заглянул ей в лицо. И тут, словно прорвало плотину, она заговорила – сбивчиво, судорожно всхлипывая и перескакивая с предмета на предмет.

Из её рассказа выяснилось, что она приехала из Саратова. Её маму похоронили неделю назад, и больше у неё никого нет, кроме дяди Пети, маминого брата. Мама велела ехать к нему. После похорон она послала дяде телеграмму на адрес конторы, что приедет этим поездом. И вот она сидит уже целую вечность, а он не идет! Может, телеграмма не дошла? И что теперь делать, ведь она не знает даже, где его искать...

– Идёмте. – Илья решительно поднял девушку на ноги и взял её чемодан.

– Стойте! – она попыталась освободить свою руку. – А если он придёт? А меня нет? Вдруг он просто время перепутал, или его задержали...

– В любом случае он пройдёт через вокзал. А вам нельзя здесь оставаться, вы замёрзнете. Она посмотрела на него неуверенно и испытующе.

– Ладно. Хорошо. Идёмте.

В зале ожидания, убедившись, что за ней никто не пришёл, девушка обратила на Илью полные мольбы глаза. Он усадил её на скамью и сел рядом.

– Как фамилия вашего дяди?

– Маргелов... Пётр Александрович Маргелов.

Илья нахмурился. Фамилия казалась ему знакомой.

– Чем он занимается, вы знаете?

– Да, конечно! Он юрист.

Ну конечно! «Маргелов и Шац, поверенные». Отец иногда обращался к ним. Контора, кажется, на Аксёновской, неподалёку от женской гимназии. Но она, конечно, уже закрыта... если вообще ещё существует! А где живёт Маргелов, Илья не знал.

– Так. Ждите меня здесь и никуда не уходите! Я узнаю адрес вашего дяди и провожу вас к нему.

Но оказалось легче это сказать, чем сделать. Илья вышел из зала ожидания на привокзальную площадь и огляделся. Город маленький, и адрес поверенного вполне мог знать кто-нибудь из его клиентов. Но где они, эти клиенты? Ведь теперь, кажется, не осталось коммерсантов: кто уехал за границу, а те, что остались, старались приспособиться к новым порядкам, исключаяющим как частную собственность, так и частную инициативу. Прямо напротив вокзала, на некотором возвышении, стояло монументальное здание в классическом стиле – с портиком, опиравшимся на колонны с ионическими капителями, и гранитным цоколем. В просторном зале верхнего этажа прежде располагался роскошный ресторан Мавроматиса, а в гранитном цоколе – всевозможные конторы. Теперь там клуб «Красный путеец». Чуть поодаль, за некогда ухоженной зелёной лужайкой, бывшее здание Городской Думы, в которую уважаемый юрист был, несомненно, вхож. Теперь это Горсовет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и заседает там, в числе прочих, Гришка Ивахнюк, который, конечно же, знает адрес Маргелова. Но Гришка – последний человек в списке тех, к кому Илья хотел бы обратиться...

Почта! Вот где, конечно же, знают все адреса, на которые (и с которых) хоть когда-нибудь отправлялась корреспонденция, а Маргелов просто не мог не вести активной переписки.

Илья оглянулся на вокзальные часы. Стрелки показывали без пяти шесть. Сбежав со ступенек, он обогнул здание вокзала и открыл тяжёлую резную дверь, надпись над которой гласила: «ПОЧТА. ТЕЛЕГРАФЪ»

За стойкой почты уже никого не было, но дверь во внутренние помещения ещё была открыта, и там горел свет. Из-за стойки слева виднелась русая головка молоденькой телеграфистки Нюры, которая что-то старательно выводила пером в потрёпанном журнале. Рядом

с ней лежала стопка телеграфных бланков. Аппарат молчал. Почувствовав движение, Нюра подняла голову.

– А, Илья Аркадьич! Доброго вам вечера! Телеграммку хотите отправить?

– Здравствуйте, Нюра. Антон Иванович ещё здесь?

– Одну минутку. – Нюра распахнула дверь в служебную комнату. – Антон Иваны-ыч!.. Антон Ива-а-аны-ыч!

– Чего вы, Нюра, так орёте? Пожар что ли? – послышался откуда-то из глубины скрипучий голос.

– К вам Илья Аркадьич пришли! – ответила Нюра уже потише. Послышались шаркающие шаги, и в дверях показалась сутулая фигура Антон Ивановича. Старый почтмейстер был уже в пальто, но ещё без шляпы, и его лысина ярко блестела под лампой.

– Вечер добрый, Илья Аркадьевич. Вы что-то хотели? А то я уже ухожу, – ворчливо заметил старик.

Не обращая внимания на его недовольство, Илья воскликнул:

– Антон Иванович, миленький! Как хорошо, что я вас застал! Мне срочно нужна ваша помощь. Вы можете мне дать адрес Петра Александровича Маргелова?

– Маргелов? – почтмейстер озадаченно сверкнул очками с толстыми линзами. – А на что он вам, если смею спросить?

– Видите ли, там к нему приехала племянница, а её никто не встретил, и адреса она не знает – телеграмма была на контору...

Нюра вскинула глаза, перевела взгляд с Ильи на своего начальника:

– Как же, помню я эту телеграмму! Только её не доставили. Вот она у меня лежит. – она принялась ворошить стопку невидимых за стойкой бумаг.

– А кому ж её доставлять! Контора-то закрыта, – произнёс почтмейстер.

– Ладно, Бог с ней, с конторой. Живёт-то он где? – нетерпеливо воскликнул Илья.

– Да кто ж его знает, Илья Аркадьич! Уж месяцев пять, как уехал. Со всеми домочадцами...

– Как уехал?! – Илья вдруг почувствовал себя так, словно он бежал что есть сил, и вдруг перестал чувствовать землю, потому что завис над обрывом.

– Будто не знаете как! – сердито ответил старик, с неожиданной злостью швырнув на стол шляпу, которую держал в руках, отчего сразу нарушился весь тщательно созданный Нюрой порядок. Девушка тихонько ахнула и принялась собирать бумаги.

– Но кто-то же в доме остался? – Илья понимал, что хватается за соломинку.

– Остался, а как же! Их посыльный остался. Всю свою родню туда приволок...

– Что ж. Спасибо. Извините, что задержал...

– Да чего уж, – Антон Иванович снял очки и, вынув из кармана большой клетчатый платок, принялся их ожесточённо протирать. – С барышней-то что делать будете? – бросил он вслед. Илья обернулся на полпути к выходу. Старик смотрел на него беспомощными теперь, без очков, близорукими глазами; за его спиной немой знаком вопроса выглядывала из-за стойки Нюра.

Илья только пожал плечами, вышел на холод и медленно побрёл обратно. Что же делать с этой девочкой? Ну, в самом деле, нельзя же оставить её на вокзале, в чужом городе, дожидаться обратного поезда, который приедет – если приедет! – не раньше чем через сутки. И он принял решение.

Девушка сидела там же, где он её оставил, и, судя по всему, всё это время не отрываясь смотрела на дверь, за которой он исчез. Взгляд её тёмных глаз выражал мольбу и отчаянную надежду. Которую он сейчас разрушит.

Илья принял решение. Подошёл и взял её чемодан.

– Идёмте.

– Вы нашли адрес? Мы идём к дяде, да? – она почти бежала рядом с ним, стараясь приновиться к его шагам, и всё заглядывала ему в лицо, пытаясь поймать его взгляд. – Ну не молчите же! Скажите что-нибудь!.. Я никуда не пойду, пока вы мне не ответите!

Она резко остановилась. Илья повернулся и поставил чемодан на парапет вокзального крыльца. Чему быть, того не миновать!

– Как вас зовут?

Она стояла на две ступеньки выше, и их лица были сейчас вровень друг другу. В тусклом свете фонаря Илья разглядел маленький упрямый подбородок, трогательные пухлые губы и нежный овал бледной щеки – глаза оставались в тени шляпки. Он кожей чувствовал её напряжение.

И вдруг она ответила усталым, слабеющим голосом:

– Катя...

Несмотря на драматизм ситуации, он улыбнулся. Но быстро опомнился и, стараясь быть серьёзным, сказал:

– Послушайте, Катя. Во-первых, вам не надо меня бояться. Моё имя Илья Аркадьевич Дедов, я инженер здешнего железнодорожного управления. Во-вторых, на почте мне сказали, что ваш дядя с семьёй несколько месяцев назад отбыл в неизвестном направлении. Так что сейчас мы идём ко мне домой. Моя мама устроит вас на ночлег, а завтра вместе подумаем, что нам делать дальше.

– Но как же... Почему... Так вот почему он меня не встретил! Ох... Но разве я могу?.. Ведь вы меня совсем не знаете!

– Вы меня тоже. Не беспокойтесь, идёмте.

5.

Наталья Семёновна смотрела на спящую Катю. Будить или пускай ещё поспит? Вчера, когда Илья привёл девушку, она словно закаменела от холода, усталости и отчаяния. Илья подвинул к печке самое уютное кресло и, в нескольких словах объяснив матери, в чём дело, побежал на кухню за чаем.

Через пять минут он появился в дверях, неся впереди себя сияющий медный самовар, а следом расторопная и заинтригованная Дуся внесла поднос с выпечкой, вареньем и молочником. Она так и простояла в дверях всё время, пока нежданная гостья пила чай, обхватив обеими озябшими руками чашку. Постепенно краски вернулись на бледное Катино личико. Наталья Семёновна с Ильёй, не стовариваясь, решили не конфузить гостью и вели свои обычные вечерние разговоры. В какой-то момент они заметили неподвижно стоящую у двери Дусю.

– Дуся, вам чего? – спросила хозяйка.

Та вздрогнула, но проговорила без запинки, продолжая поглядывать на Катю:

– А, да. Наталья Семёновна, ужин уже подавать?

– Подавайте уж, – ответила хозяйка, насмешливо глядя на свою кухарку.

Когда ужин стоял на столе, Дуся оглянулась на гостью и обнаружила, что девушка спит. Так и заснула с опустевшей чашкой в руках!

– Бедняжка! – вполголоса проговорила Наталья Семёновна. – Что делать-то будем? Надо бы её в постель уложить, да жалко будить – намучилась!

– Давайте я постелю в гостевой комнате, – деловито предложила Дуся, – а Илья Аркадьич отнесут её наверх. Она вон какая худышка, небось, не тяжелее Борьки будет...

На том и порешили. Девушка провалилась в глубокий, как смерть, сон и не проснулась ни когда Илья нёс её по лестнице, ни в то время, пока Дуся с Натальей Семёновной переодевали её в Сонину старую ночную сорочку. Она и теперь ещё крепко спала – выющиеся каштановые пряди разметались по подушке, нежный бутон по-детски пухлых губ приоткрыт, но дыхания не слышно. Если бы не подрагивающие во сне ресницы, можно было бы усомниться, что она жива... Старушка вздохнула и тихо вышла из спальни.

– Ну что? – спросил Илья, макая баранку в чашку с чаем, когда мать вернулась в столовую.

– Спит как убитая. Надо что-то с ней решать, Илюша. Она, видно, осталась совсем одна. И непохоже, чтоб денежки в семье водились, хотя семья, насколько можно судить, не из простых.

Илья сдвинул брови и уставился в окно, за которым серело холодное пасмурное утро.

– Давай подождём, мама. Пока мы ничего не знаем. Только, пожалуй, не отпускай её никуда. Дождитесь меня, я постараюсь прийти к обеду.

Когда в первом часу пополудни Илья вернулся домой, он ещё с порога услышал оживлённую беседу двух голосов.

– ...и он сказал, что приличной девушке надо замуж выходить, а не по курсам бегать. Они там, говорил, ведут богемный образ жизни, а я не хочу, чтобы моя дочь курила и вращалась в сомнительном обществе. Папа вообще был ужасный домостроевец! И слышать не хотел, чтобы мне на врача учиться! А сам при каждом случае говорил, что, если бы у него был сын, то он бы передал ему свою практику. А вот вы же отпустили вашу дочь, и ничего плохого с ней не случилось.

– Аркадий Савельич считал, что его дети слишком разумны, чтобы пойти по дурной дорожке. Правда, никто из них не стал педагогом, а Зочка так вообще замуж вышла и уехала, и слава Богу: она у отца была любимица, и он её страшно баловал. Вот уж кто мог теперь набедокурить!..

Тут обе женщины – и молодая, и старая – увидели Илью.

– Илюша, ты пришёл! А мы за разговорами и не услышали. – Лицо матери осветила радостная улыбка, которая удивительно красила эту скромную, незаметную женщину. «Она так не улыбалась с тех пор, как не стало отца», – изумлённо подумал Илья и перевёл взгляд на причину этой перемены.

– Здравствуйте, Илья Аркадьич, – краснея, произнесла Катя.

5.

Катин отец был уездным врачом в Саратовской губернии, и её детство прошло в маленьком городке на берегу Волги. Она училась в третьем классе уездной гимназии, когда началась война. Отца мобилизовали, но, по возрасту, не на фронт, а в тыловой госпиталь, и семья переехала за ним в Саратов.

Летом семнадцатого года отец умер от тифа, заразившись им от раненых. Катя с матерью остались одни. В стране было неспокойно, деньги стремительно дешевели, начались трудности с продовольствием, и Катя, которая к тому времени закончила гимназию, записалась на курсы сестёр милосердия. Когда пришли большевики и пришлось забыть о скромной вдовьей пенсии, работа в госпитале стала для них единственным источником существования: денег она не принесла, зато врачам и сёстрам полагался продуктовый паёк.

Катина мать была нежной и слабой женщиной, целиком полагавшейся на своего мужа. Потеряв его в такое смутное время, она стала абсолютно беспомощной. «Поедем к Пете, – то и дело твердила она, имея в виду своего старшего брата, который жил на Кавказе, – Переждём у него, когда всё это закончится. Кавказ далеко, туда *они* не доберутся!» Ничего не понимая в происходящем, бедная женщина ещё надеялась, что вернутся старые добрые времена, а Катя боялась её разочаровывать: у матери начало сильно сдавать сердце. За последний год переезд на Кавказ, *поближе к водам*, стал её навязчивой идеей. Она писала брату, но почта работала с перебоями – на юге ещё шли бои. Катя, чтобы успокоить мать, взялась передать письмо через одного из выздоравливающих, который собирался вернуться в те края. О том, что письмо дошло, они узнали только спустя полтора месяца, когда в одно утро бородатый человек в шинели без погон разыскал Катю в госпитале и вручил ей замусоленный, грязный конверт. «Милая Катенька! – писал дядя. – Как я понимаю, теперь ты глава семьи. Поэтому

расскажу тебе всё как есть, а ты уж решай сама. Дела в Отечестве нашем очень плохи, и, хотя мы не теряем надежды, но следует быть готовыми ко всему. Конечно, мы тут пока не голодаем, но всё подорожало, а люди в целях экономии предпочитают обходиться без юристов. Однако жду вас в любое время. Вместе нам будет легче пережить всё то, что уготовила судьба. Но имейте в виду, что поезда, из-за военных действий, ходят нерегулярно и долго. Храни вас господь! Ваш Петр Маргелов. P.S. Сестре моей я черкнул отдельную записочку, так что можешь всё это ей не рассказывать».

Получив весточку от брата, мать засобиравшись в дорогу, несмотря на то, что последнее время почти не выходила из дома. Катя поделилась новостями со своим начальством – доктором Кохом, который был лечащим врачом матери.

– Даже не думайте об этом! – воскликнул он. – У вашей матушки очень слабое сердце, эта дорога её убьёт! Вы разве не знаете, как нынче ходят поезда?

Катя упростила Коха поговорить с матерью, которая и слышать ничего не желала о том, чтобы отложить поездку. После этого разговора мать, скрепя сердце, смирилась с тем, что им придётся остаться. Но взяла с Кати клятвенное обещание: если с ней что-нибудь случится, Катя сразу должна ехать к дяде. Так спустя полгода, ранней весной, она оказалась в Раздольном.

За обедом выяснилось, что деваться Кате, собственно говоря, некуда. Дядя Петя был её единственной родней, но где его теперь искать? Можно, конечно, осторожно поспрашивать у знакомых: вдруг он с кем-нибудь обсуждал свои планы, но особой надежды на это не было. Катя стояла на том, чтобы вернуться в Саратов: там у неё, по крайней мере, была работа и какие-никакие знакомые. Но Наталья Семёновна категорически возражала:

– Что вы, Катенька! Такая тяжёлая дорога – к тому же небезопасная! Да вы поглядите на себя: вы совершенно измучены. Нет, нет и нет. Вам необходимо отдохнуть, набраться сил, а там будет видно.

Катя возражала, но в её голосе не чувствовалось уверенности.

Наталья Семёновна как в воду глядела. После обеда Катя, которая, несмотря на жарко натопленную печь, зябко куталась в пуховую шаль, поднялась к себе прилечь. Теперь уже Дуся накрывала чай. За окнами совсем стемнело, но девушка всё не шла. Наталья Семёновна решила её не беспокоить и села было пить чай одна, но на душе у неё было беспокойно. А тут ещё Дуся стала интересоваться, где же их гости.

– Хотите, я поднимусь, позову её чай пить?

– Пожалуй...

Когда спустя несколько минут по лестнице застучали торопливые Дусины шаги, Наталья Семёновна встала ей на встречу.

– Натальсемённа, душечка, беда! – громким шёпотом начала Дуся ещё за дверью.

– Что?! Что такое?

– Заболела наша барышня! Я, говорит, полежу, мне нездоровится, а сама вся пышет как печка! Я им лобик потрогала – чуть не обожглась!

– О господи! – перекрестилась старушка. – Доктора надо. – И она тяжело засеменила в кабинет, где стоял телефонный аппарат.

6

Напряжение последних месяцев, скудная пища, долгая дорога в промёрзшем вагоне и почти два часа бесплодного ожидания под ледяной моросью привели к тяжёлому воспалению лёгких, от которого Катя выздоравливала очень медленно. Дедовы (включая сюда и Дусю) окружили девушку самой деятельной заботой. Только три недели спустя она впервые встала с кровати. Дуся усадила её у окна, за которым под первыми тёплыми лучами разворачивались почки и воздух звенел от птичьих голосов.

Перестилая постель, неутомимая Дуся рассуждала:

– Вам надо на солнышко, барышня! Доктор велел проветривать, а я думаю, этого мало. Вот закончу здесь и пойду в чулан...

– А в чулан-то зачем, Дусенька? – улыбаясь прекрасному дню, спросила Катя.

– Там плетёные кресла лежат. Вытащу их на веранду, смету пыль – и вас усажу! Когда ихняя горничная брала расчёт, я с ней по всему дому прошла, чтобы она всё мне показала. Поэтому про кресла и знаю.

– А почему она уволилась? – полюбопытствовала Катя – она и не знала, что у Дедовых была ещё прислуга.

– Так времена-то вон какие! Платить ей стало нечем, да и не за что, честно говоря. Хозяйка с Ильёй Аркадьчем одни остались, много ли им надо? Готовки мне тоже стало меньше, так и на остальное времени хватает.

Дни стали длиннее, и когда Илья возвращался вечером домой, солнце едва закатилось за крыши. В тёплом воздухе пахло клейкими молодыми листочками и ароматами стряпни из открытых по тёплому случаю дверей и окон домов. Пройдёт ещё неделя-другая – и прилетят стрижи, огласят городок весёлым свистом, исчеркают небо над садами стрелами своих стремительных крыльев...

Дышалось легко. Илья скинул пиджак и наслаждался упругим ветерком, омывающим грудь через тонкое полотно рубашки. Было что-то ещё в этом вечере, чувство какого-то радостного ожидания. С таким же чувством он мальчиком просыпался в рождественский сочельник и вдруг вспоминал: праздник! Шумным кубарем, в пижаме и босой, скатывался с лестницы, и сердце колотилось, когда отворял дверь гостиной. Там, в самой середине комнаты, возвышалась – вся в стеклянных шарах и мишуре, с рождественской звездой на макушке – ёлка! Он некоторое время стоял рядом с ней, вдыхая тёплый хвойный запах и разглядывая украшения. Потом не спеша обходил её несколько раз, и только после этого заглядывал под нижние ветви, отыскивая среди свёртков и коробок те, на которых было его имя...

Илья ускорил шаг, словно и на этот раз его ждала дома ёлка. Кирпичный фасад дома сиял всеми четырьмя вымытыми окнами. Некоторые из них были открыты. Илья прислушался: внутри было тихо. Он шагнул в ворота, обогнул угол и поднялся по деревянным ступеням...

Веранда ещё была озарена мягким закатным светом. На вымытом до блеска дощатом полу, в плетёном кресле, заботливо укутанная пледом, спала Катя. На её коленях лежала раскрытая книга, и ветерок шевелил страницы, прижатые тонкими пальцами. Тёмные ресницы отбрасывали густую тень на тонкое бледное личико, ветерок играл выбившейся прядкой волос, приотливно очерченные губы приоткрыты...

Илья замер, словно боялся вспугнуть это видение. Он вдруг остро почувствовал себя ужасно громоздким и неловким. Так он и стоял с закинутым за плечо пиджаком, не шевелясь, с блаженной улыбкой глядя на спящую Катю. И вдруг девушка вздрогнула, потянулась и – открыла глаза! И из этих глаз на него хлынул поток синего света, который затопил его душу мучительным счастьем. И душа захлебнулась в этом счастье и покорно пошла на дно. Едва ли Илья был способен осмыслить своё чувство, но он знал: что бы там ни было, его жизнь теперь

принадлежит этой хрупкой девушке. Он стоял и смиренно ждал приговора. И вот она улыбнулась, и это уже было счастьем.

– Добрый вечер, Илья Аркадьевич! Какой чудный день...

Её голос вернул ему способность двигаться, как «отомри!» в детской игре. Он приблизился и склонился над ней, поправляя на тонких плечиках распахнувшийся было плед.

– Так не годится, Катя. Вы замёрзнете, а вам нельзя. Вы ещё не окрепли после болезни, – приговаривал он, чувствуя острое недовольство собой и своими словами – раскудахтался, как насадка! Не то, всё не то... Он остановился, присел перед креслом на корточки, взял Катины руки в свои большие, *мужские* ладони, снизу вверх заглянул ей в лицо. Продолжая улыбаться, она смотрела ему в глаза, и он не мог угадать значение этого взгляда: насмешка? Но она не отнимала рук, и Илья очертя голову бросился в этот омут: была – не была! Пропал, всё равно пропал...

– Катя... Будьте моей женой!

Улыбка медленно растаяла на её лице. Господи, взмолился про себя Илья, я всё испортил! Дурень несчастный! Господи, господа, не дай мне её потерять! Теперь её лицо стало очень серьёзным, но он по-прежнему не мог понять, что оно выражает. Брови сперва нахмурились, потом приподнялись. Уголки губ опустились – и снова сложились в улыбку... И тут Илья увидел, что по её щеке катится прозрачная слеза, оставляя блестящую дорожку.

– Ка... Катенька, простите! Я не хотел вас обидеть! Умоляю... – он упал на колени и прижался лицом к её ладошкам, которые держал в руках.

– Не надо, – всхлипнула она. – Не надо, милый... Просто я так счастлива!

На Троицу они обвенчались в деревянной Николиной церкви. Весь месяц с небольшим, прошедший с того дня, когда Илья на руках внёс Катю в гостиную, где сидела мать, и попросил её благословения, Илья ходил как хмельной, боясь поверить своему счастью. Катина спальня утопала в цветах, которые он охапками приносил ей по вечерам. Некоторые букеты не помещались в спальне – или их нельзя было оставлять в комнате на ночь, так как сильный аромат мог вызвать головную боль – и счастливая невеста с удовольствием расставляла их по всему дому, создавая изящные букеты. Их можно было увидеть в самых неожиданных местах: вдоль балюстрады лестницы стояли кувшины с сиренью самых разных оттенков – от кипельно-белого до густо-лилового; на подоконниках пристроились изящные хрустальные вазы с тюльпанами, нарциссами и гиацинтами; затем настала очередь пионов – роскошные белые стояли симметрично на фортепиано, на ломберном столике – благоухающие розовые, на трюмо – торжественные бордовые.

– Наш дом превратился в оранжерею! – шутливо ворчала Наталья Семёновна, когда сын, возвращаясь с работы, приносил очередной трофей. Женщины поднимали от шитья полные обожания взгляды – они уже с утра гадали, что будет на этот раз: говорят, черёмуха зацвела, а Дуся, которая тоже включилась в эту игру, видела на базаре ранние розы...

С мануфактурой стало плохо, в лавках продавали только шинельное сукно и другую материю в том же роде – всё, что осталось на складах с войны. Поэтому подвенечное платье перешивали из первого Зоиноного бального, которое она надела единственный раз, в последнем классе гимназии, на благотворительный бал в пользу солдатских семей – Зоя была признанной красавицей и щеголихой, отец страшно гордился ею и не жалел денег на наряды. Платье а-ля грек из белого креп-жоржета было обманчиво простым и производило впечатление невинности и свежести. Единственной выразительной деталью – но зато какой! – был вышитый бесцветным и прозрачным стеклярусом пояс, сверкающим мысом поднимающийся к груди и загадочно мерцающий из-под воротника-пелерины. Хрупкой Кате оно было велико, поэтому пришлось его полностью распороть и даже посрезать лишний бисер с пояса, чтобы его ушить. Зато излишки ткани и стекляруса пошли на шляпку, которую Наталья Семёновна вызвалась смастерить на свой страх и риск.

Свадьбу сыграли в семейном кругу. Шафером Илья взял Лёшу Матвеева, а посажённым отцом невесты вызвался быть милейший Павел Николаевич Стеценко – семейный врач Дедовых с незапамятных времён, ровесник и приятель покойного Аркадия Савельича. Ведя невесту под руку к алтарю, он раскраснелся от волнения и чувства ответственности, и смешливая Дуся, в новом платье, сшитом специально для этого случая, едва не прыснула. Илья как зачарованный смотрел на Катю и не узнавал её: с новой причёской, в этом белом платье, с серьёзным взволнованным личиком она казалась миражем, бесплотным видением потустороннего мира. В какой-то момент его охватил иррациональный страх – вот сейчас он моргнёт, и она исчезнет, растает в церковном полумраке!.. Он так и стоял не мигая и успокоился только тогда, когда её маленькая тёплая рука оказалась в его ладони.

6

Ваня родился через год, в июле. В Раздольном яростно цвели липы, наполняя воздух густым и сладким, как мёд, ароматом. Как и всегда, цветение лип сопровождалось частыми грозами, после которых густой липовый дух многократно усиливался, вливаясь в распахнутые окна и растекаясь по самым укромным уголкам жилищ. «Чувствую себя как оса, которая увязла в меду!» – шутил Илья.

Напитанный дождём и мёдом воздух становился густым и тяжёлым. Когда из-за туч появлялось солнце, дождевая влага, испаряясь, превращала его в бальзам такой густоты, что начинало казаться, будто город превращается в огромный кусок янтаря, в котором застывают мошки и веточки, и целые деревья, и дома, и люди... Но потом снова собирались тучи и принимались громами и молниями раскалывать эту благоухающую глыбу.

В один из таких дней Илья, промокший до последней нитки, взбежал по ступенькам крыльца. Он, как повелось в последнее время, пришёл на обед домой: роды ожидалась со дня на день, и ему хотелось быть рядом. Как ни странно, Катя совсем не тревожилась и посмеивалась над его страхами. Но, жалея эту его слабость, первой встречала его в дверях.

На этот раз всё было не так. Во-первых, он не застал Кати ни на крыльце, ни в передней, ни в гостиной. Да и матери не было видно. Во-вторых, несмотря на сильную грозу, окна стояли нараспашку: ветер надул занавеси как паруса, а с подоконников капала на пол вода – уже натекла приличная лужа. Илья машинально кинулся закрывать окна и, когда последняя створка захлопнулась, заглушив раскаты грома и шум воды, он услышал другой звук, значения которого сначала не понял. Это был длинный сдавленный стон, и доносился он из глубины дома, кажется, сверху. Внутри всё оборвалось, и он бросился было к лестнице на второй этаж, но в это время в дверях появилась Наталья Семёновна.

– Илюша... Слава Богу, ты окна закрыл, я про них совсем забыла! – произнесла она напряжённым от волнения голосом. – Так гремит, что я даже не слышала, как ты пришёл.

«Что она за чепуху говорит? Где Катя?» – пронеслось в голове Ильи, и пристально глядя в глаза матери, он спросил осипшим вдруг голосом:

– Где Катя? Она наверху? Я пойду к ней!

Мать продолжала стоять в дверном проёме, загоразивая проход.

– Нет-нет, тебе туда нельзя. Павел Николаич рассердится. Ты лучше сядь.

Илья опустил на ближайший стул и сглотнул. Сверху опять донёсся стон, и он жалобно посмотрел на мать, которая сидела выпрямившись в своём любимом кресле и смотрела перед собой: мысли её были там, у кровати невестки; но в то же время старушка вспомнила, как рождались её собственные дети, после чего мысли столь естественно перенеслись в даль, к её девочкам – как там теперь складывается их жизнь?.. Почувствовав на себе настойчивый взгляд сына, Наталья Семёновна очнулась и, повернувшись, к нему и увидела такое несчастное лицо, что заставила себя улыбнуться:

– Всё хорошо, сынок. Всё хорошо... – Женщина чувствовала, что должна что-то говорить и продолжила: – Схватки начались, как только ты ушёл на работу. Дуся побежала за Павлом Николаичем. Теперь уже скоро, наверное. Схватки каждые пять минут...

Следующий час показался Илье вечностью. Катины стоны сплетались с раскатами грома, и от этого к горлу подкатывал тошнотворный страх. Илья мерил комнату шагами, иногда замирая, чтобы прислушаться. Пару раз пробежала вниз и вверх Дуся, что-то пряча под фартуком. К концу часа от этого метания у него уже кружилась голова – да и не только у него: мать сидела с закрытыми глазами – и подкашивались колени. Но стоило ему сесть, как страх снова хватал за горло холодной скользкой рукой, и он опять принимался ходить. В какой-то момент ему показалось, что он задыхается, и Илья вышел на веранду. Дождь молотил по шиферу как

безумный, молнии выхватывали в сумрачном воздухе резкие очертания предметов, словно кто-то делал фотоснимки с магниевой вспышкой.

Илья стоял, полной грудью вдыхая насыщенный электричеством и мёдом воздух. Он вдруг вспомнил, что было написано в одной книжке из гимназической библиотеки: чтобы преодолеть страх, надо сконцентрироваться на дыхании и считать выдохи... Он дошёл до восьмидесяти и сбился. Попытался снова, и в какой-то момент понял, что ходит по кругу от шестидесяти до восьмидесяти и обратно: восемьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три... Илья помотал головой и огляделся. Дождь ещё барабанил по навесу, но уже без прежнего остервенения. Гроза уходила, и раскаты грома теперь стали глуше и реже. Зато стало отчётливо слышно журчание струи, вырывающейся из водосточной трубы в переполненную бочку для полива. То ли оттого, что закончилась гроза, то ли действительно помогли дыхательные упражнения, но Илья почувствовал себя более уравновешенным. Он робко отворил дверь в переднюю. Напротив, в проёме гостиной, показался силуэт Натальи Семёновны. Наверху было тихо.

Но спустя мгновение снова послышался крик – на этот раз крик ребёнка! Илья в три шага взлетел по лестнице и остановился. За дверью спальни раздались шаги. Дверь отворилась, и ворчливо-торжествующий голос доктора произнёс:

– Ну, Илья Аркадьич, принимайте поздравления! У вас отличный сынок. Богатырь!

Павел Николаевич похлопал Илью по плечу и начал устало спускаться с лестницы, внизу которой, держась за перила и глядя наверх, стояла Наталья Семёновна.

– И вас, душечка, поздравляю. Ваша невестка молодец. Не дадите ли мне чаю?..

Илья остановился в дверях – комната плыла перед глазами. От кровати раздался слабый голос жены:

– Илюша! Иди, посмотри на него...

Силясь разглядеть Катю, он потёр глаза и только тогда понял, что это слёзы. Жена полулежала на высоких подушках, прислонив к плечу аккуратный свёрток из пелёнок и байкового одеяльца.

.....

7.

Иван Ильич смутно помнил родителей. Для него они остались светлыми ангелами его короткого детства, которое закончилось в тот страшный августовский день. В числе прочих вещей, принесённых Матвеевыми из бывшей Дедовской квартиры, была свадебная фотография в простой самодельной рамке, благодаря которой он со временем мог понять, что очень похож на отца, за исключением тёмных волос и синих глаз, доставшихся явно от матери.

Довольно долго после их ареста он продолжал надеяться, что это недоразумение и «там» разберутся. Эта надежда питалась уверенностью в их полной невиновности, которой он поделился с Борькой. Тот, будучи двумя годами старше, понимал, что дело гиблое: ещё не было в Раздольном случая, чтобы те, кого «забрали», были очищены от обвинений и вернулись. И хотя он признавал, что Дедовы абсолютно чисты перед новой властью, и ради друга готов был поверить в чудо, хотя даже его небольшой опыт подсказывал обратное. Тем не менее, он яростно оберегал Ваню от нападок докучливой и всезнающей детворы. Когда некоторые из товарищей их детских игр с готовностью выпаливали услышанные дома слова о «врагах народа» и предателях, Ваня бросался на них с кулаками, и мальчики частенько, особенно на первых порах, возвращались домой в кровоподтёках и ссадинах. Зато эти отчаянные, до кровавых соплей, драки закалили его характер и создали ему такую репутацию, что уже к осени большинство ребят остерегались высказываться на эту тему.

Однако прежде дружная ребячья компания разделилась. До поры пацаны пребывали в растерянности и не знали, чему верить – весть об аресте Ваниных родителей, которая вначале просто будоражила нервы, как и любая мрачная тайна, со временем утратила свою остроту, и требовалось определиться в своём отношении к этому событию. Кое-кто предпочёл придер-

живаться официальной версии ареста – это были главным образом те, кому родители запретили общаться с «прокажённым» из страха за собственную судьбу. Но были и такие, как Петька Выхин, который однажды недвусмысленно принял сторону Ивана и Борьки. Когда драка закончилась и противники – кто с оторванным рукавом, кто с разбитым носом – тяжело дыша, расходились, он повернулся к наблюдавшей ватаге и сказал:

– В общем, вы как хотите, а я с Ванькой! Люди говорят, что на его родителей нарочно наклепали, чтобы ихнюю хату занять...

Это была правда: на Дедовской половине уже всю хозяйничала старшая дочка Ивахнюка, которая ещё до ареста Ваниных родителей расписалась с его заместителем. Это событие соседи отметили шумно и с размахом: все выходные дом ходил ходуном, и пьяные вопли гостей не давали заснуть жильцам первого этажа. В самом начале застолья, когда молодые только вернулись из райсовета и гости выпили по первой рюмке, Гришка, размякший от спиртного и разносолов, но ещё твёрдо стоящий на ногах, спустился было к соседям. Глядя влажными глазами на Илью, он произнёс с комическим пафосом:

– Илья Аркадьич, окажите любезность, разделите с нами событие! Милости просим за стол!

– Благодарю вас, Григорий Васильевич. Мы с супругой вас поздравляем, и передайте наши наилучшие пожелания молодым. Но вы же знаете, мы ещё в трауре...

Добрейшая Наталья Семёновна в прошедшем месяце быстро и внезапно умерла «от сердца». Не успели даже доктора позвать – попросила Катю отворить окно, и когда та обернулась, выполнив просьбу, то встретила неподвижный взгляд остекленевших глаз. Старушку похоронили рядом с мужем, и осиротевшая семья болезненно переживала образовавшуюся пустоту.

Но для Гришки эта смерть стала отправной точкой новой интриги: его шумливая Веруня, известная всему околотку гулёна и охальница, собралась-таки замуж за Осипцова, многообещающего отцовского заместителя. Девке давно требовался укорот – её похождения сильно вредили Гришкиному авторитету, возбуждая скабрезные перешёптывания сослуживцев. Витька Осипцов был хлопец положительный, серьёзный и к тому же сильно равнодушный к Веркиным чарам, и отец несколько месяцев осаждал свою баловницу.

– Опомнись, дурища! Ещё год-полтора, и на тебе печати негде будет ставить! Кто ж тебя замуж-то возьмёт! А ежели и найдётся такой, то ты у него вся в синяках будешь ходить, – грохотал Гришка, припечатывая сказанное ладонью по столу.

Но девке отцовы крики были что слону дробина, и скандалы, хорошо слышные внизу, продолжались с утомительной регулярностью, отдаваясь эхом в соседних домах. Обычно они заканчивались тем, что Веруня, накричавшись, хлопала дверью их с сестрой спальни. Но Гришка продолжал ещё какое-то время выпускать пар, срывая злость на безответной Надежде.

Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды утром Веруню не разбудил приступ дурноты. Около часу её выворачивало в помойное ведро, заботливо подставленное матерью, и разбуженная этими звуками бабка уже было заикнулась про доктора, как недомогание закончилось так же внезапно, как и началось. Встревоженный Ивахнюк отправился на службу без привычного завтрака, на ходу перехватив краюху хлеба с пустым чаем, а его любимица, бледная и непривычно тихая, осталась в постели. Вечером, когда отец вернулся, она даже вышла к столу, но ела мало, что было на неё совсем не похоже.

Наутро всё повторилось заново, и вызванный на этот раз Павел Николаевич, осмотрев и расспросив пациентку, поставил диагноз, о котором в страхе подозревали уже и Надежда, и её мать: Верка была на втором месяце.

– Тааак! Допрыгалась, сучка... – прошипел Ивахнюк, едва за врачом закрылась дверь. Надежда испуганно жалась к дверному косяку, стягивая на груди пуховую серую шаль. – И что

теперь делать будем, а?! Кого ты мне вырастила, корова! – простонал он, привычно накидываясь на жену. Та вся съёжилась и зажмурилась в ожидании удара, но внезапно Гришка опустил занесённую руку и отвернулся. Нетвёрдой походкой подошёл к столу, тяжело упал на табурет и обхватил голову руками. Надежда не шевелилась. В квартире стояла вязкая, напряжённая тишина – было только слышно, как всхлипывает в подушку отрывающаяся Верка. Тёща ушла к себе, двенадцатилетняя Зина сидела бледная на своей кровати, со священным ужасом глядя на сестру.

Когда кукушка в часах прокуковала семь раз, Надежда, робея, оторвалась от стены и, потоптавшись на месте, тихо спросила:

– Гриша, может чаю?

Гришка молча встал, с грохотом уронив табурет и, не глядя на жену, прошёл в дочернюю спальню. Остановился в дверях, поглядел на застывший белый одеяльный кокон, из-под которого выбилась на подушку русая прядь. Надежда, стоя в дверях кухни, огромными от испуга глазами смотрела, как муж подошёл к Веркиной кровати и сел на её край, опершись о колени руками.

– Значица, так. Мне наплевать, кто из твоих кобелей тебя обрюхатил. Выйдешь за Виктора, и молись, чтоб он не передумал. Вот как. – Гришка хлопнул ладонью по коленке и встал. – Мать, дай позавтракать, да поживее!

В райсовете, закрывшись с Осипцовым у себя в конторе, Ивахнюк без обиняков, глаза в глаза, изложил ему ситуацию. Виктор уставился в пол, лицо и уши у него пылали. «Уж не он ли?..» – с изумлением подумал Гришка, но осёкся: быть не может! Верка, правда, с ним вовсю заигрывала, но, кажется, больше для того, чтобы поиздеваться: Виктор смущался и прятал глаза. «А может, это он только передо мной такой скромный, потому как начальство?» – вдруг подумал он с внезапным прозрением и спросил, пытаясь поймать взгляд подчинённого:

– Твоя работа?

Виктор прокашлялся и решительно посмотрел Ивахнюку в глаза.

– Григорий Степанович, я женюсь на Вере.

Гришка так и опешил.

– Так твоя работа или нет? – продолжал он допытываться, лишь бы что-нибудь говорить и ненароком не выдать своего облегчения.

– Это неважно. – Виктор глядел уверенно и жёстко. – Я женюсь на Вере Григорьевне. Если она не будет против.

Глядя исподлобья на будущего зятя, Ивахнюк сказал:

– Не будет.

8.

Началась подготовка к свадьбе.

Притихшая Веруня покорно следила за этой суетой. Её по-прежнему донимали утренние приступы тошноты, после которых она чувствовала себя опустошённой. Подолгу разглядывала себя в зеркало, и то, что она там видела, вызывало бессильные слёзы. Она похудела и побледнела, под глазами залегли тени, а черты некогда свежего и полного жизни лица заострились. Поэтому, когда в первый раз на правах жениха в дом пришёл Виктор, Верка отказалась к нему выйти. Кроме того, это было унижительно: ведь теперь он мог торжествовать над той, которая над ним всегда смеялась!

– Веруня, надо выйти! Нехорошо это! – уговаривала мать.

Но Верка продолжала молча сидеть у окна, кутаясь в цветастый павлопосадский платок, подаренный отцом на шестнадцатилетие.

Полчаса её никто не беспокоил, и она расслабилась. Краем уха она слышала застольные разговоры, которые вдруг стихли, и на лестнице послышались шаги. «Уходит», – с облегчением вздохнула Верка, но тут раздался негромкий стук в дверь.

– Ну, что ещё? – простила она.

Дверь тихонько открылась, и в комнату вошёл Виктор.

– Можно войти?

Верка выпрямилась на стуле и резко обернулась. Невозможно было понять, что выражают его глаза. Она приготовилась увидеть в них торжество, удовлетворённое тщеславие, ото-мщённую обиду – всё что угодно, только не то, что увидела.

– Так я войду, Вера Григорьевна?

– Вошёл уже, – грубо отозвалась она, но вышло отчего-то жалко.

Никто из её ухажёров не смотрел на неё так, как он, и эта непонятность не давала ей покоя. Обычно парни, да и мужики в летах, облапывали её сальными глазками, облизывались, как коты на сметану. Некоторые при этом ещё оглаживали усы и многозначительно крикали, подмигивая. Бывало, что, умученные её дерзостью и капризами, глядели зло, сыпали искры и разъярённо скалились. А иные, которых она для себя помечала как слабаков, глядели жалобно и заискивающе.

Но вот так – никто. Что это было? Виктор смотрел только в глаза, что само по себе было непривычно, да ещё и сверху вниз, как старшой на напраказившую девчонку, и – может, показалось? – слегка улыбался одними глазами.

– Ну, чего стоишь? Садись уж, раз пришёл, – она кивнула подбородком на стул перед туалетным столиком. Виктор молча, не отрывая глаз от её лица, одной рукой развернул к себе стул и сел, сцепив на коленях руки. Помолчав, спросил:

– Вера Григорьевна, вы пойдёте за меня замуж?

Верке будто кипятку в лицо плеснули. Чувствуя, что неужели краснеет, она разозлилась на саму себя, и, как всегда бывает в таких случаях, эта злоба обратилась на того, кто был рядом. Ей хотелось закричать, затопать ногами, но она понимала, что это будет смешно, а подходящие – хлёсткие – слова не находились. С трудом разжав стиснутые зубы, она проговорила:

– А ты не промах! Как это я в тебе ошиблась, а? Смотри-ка, подгадал момент! И что тебе мой папаша пообещал за то, что ты на мне женишься?

– Вера Григорьевна, вы можете мне не верить, но я вас люблю. Мне ничего не нужно от вашего папаша.

– Рассказывай!..

– Это правда.

– Кому я нужна – такая-то?

– Вы самая красивая...

– Теперь?! Хватит врать-то! Я ж в зеркало вижу, что со мной стало!..

– Теперь – особенно. – Его глаза скользили по её лицу, и это было так, будто он нежно касался кончиками пальцев её покрасневших щёк, бровей, гневно расширившихся крыльев носа. Веркин взгляд стал растерянным.

– Что... ты хочешь этим сказать?

– Теперь вы – настоящая. Вся шелуха сошла, и стало видно... Никто из них вас не любит. Им нет до вас дела – только бы получить своё... Я буду вам хорошим мужем. И отцом. Вера Григорьевна, соглашайтесь.

– Вера, – вдруг ответила она. – Просто Вера. Будет меня Григорьевной-то величать, хватит уж...

9

Пока сидели с Виктором за столом, Ивахнюк, в числе прочего, поинтересовался, где живёт будущий зять. Выяснилось, что Виктор снимает летнюю кухню у многодетной вдовы в станице, что через речку от станции.

– Конечно, теперь я поищу что-нибудь подходящее в городе, – сказал Виктор, и Гришка задумался. С Веруней расставаться было боязно – девка росла бедовая, мать и бабу в грош не ставила. Только он и мог её укоротить, да и то до поры до времени: поняла, шельма, что отец в ней души не чает, последние года два совсем распоясалась. Вот, дожили: в подоле принесла. А Виктор и подавно с ней не сладит – вон он как на неё смотрит, только что не молится! Надо, чтоб молодые рядом жили. Можно бы, конечно, Зину к бабке отселить – пусть живут в этой комнате. Но появится дитё – будет тесно. Эх, хорошо бы, чтоб первый этаж им отдали!

Эта мысль вначале казалось ему нереальной: куда денешь Дедовых? Но чем больше он об этом думал, тем больше завладевало им желание полностью владеть этим домом.

Всё свелось к одному: как выселить соседей?

Попробовал было по-хорошему. Подкараулил Илью на веранде, когда тот возвращался с работы, и выложил как есть.

– Тут такое дело, Илья Аркадьич. Веруня моя замуж выходит, и мы хотим, чтоб молодые рядом жили. Сами знаете: дети пойдут, без материнной помощи не обойтись.

– Рад за вас, Григорий Степанович. А я-то чем могу помочь?

– Вот если бы вы согласились переехать, поменять ваши комнаты – я б вам век благодарен был! Я вам самое лучшее подыщу! Чесслово!

Даже в темноте веранды Гришка увидел, как сверкнули белки глаз соседа. Он мысленно сжался от застарелой привычки бояться господ, за которую злился на себя и ещё лютее ненавидел тех, кого боялся. Но Илья взял себя в руки.

– Думаю, Григорий Степанович, что вы сможете решить эту проблему, не выдворяя мою семью из родного дома.

– Да. Да, конечно. Виноват...

На том разговор и закончился. Илья даже не стал рассказывать о нём жене, настолько абсурдным было Гришкино предложение. И вскоре, за чередой повседневных забот, Илья забыл об этом.

Но не Ивахнюк. В силу искажённой логики неправого и нечестного человека, к тому же осознающего свою неправоту и нечестность, он затаил злобу на Дедова. Причём злоба эта, по мере осознания собственной низости, только усиливалась. «Ишь ты, цаца! – накручивал он себя. – Дом, видите ли, у него родной! А как быть мне, у которого до двадцати семи годов и угла-то своего не было? Да и после – сперва в приймаках, а теперь вот – в чужих хоромах, бедным родственником! Ну уж нет, хватит! Мои дети не станут по чужим углам мыкаться. Придётся вам подвинуться, товарищ Дедов!»

Но одно дело сказать, совсем другое – сделать. Несколько дней после этого разговора Гришка был мрачен, вышагивал из угла в угол комнаты, непрерывно куря одну самокрутку от другой. На некоторое время его отвлекли хлопоты по подготовке к скоропалительной Веруниной свадьбе – тянуть было нельзя, её положение скоро станет всем заметно. Но после свадьбы, и особенно после вежливого отказа Ильи почтить событие своим присутствием Ивахнюк укрепился в своём решении довести дело до конца. Наутро, опохмелясь стаканом чистейшего казацкого самогона, он принялся обдумывать положение.

Неясно было, с чего начать. Дедовы, язви их душу, пользовались в городке давним и непоколебимым авторитетом. Особых грехов за ними не водилось, слабостей – по крайней мере, таких, на которых можно было сыграть – тоже. Покойник Аркадий Валерьяныч, хоть и был

большой жизнелюб, но предавался чревоугодию и распитию спиртного только у себя или в нескольких ещё вполне уважаемых домах. За юбками не волочился, хлопцев в реальном училище не порол и уж тем более по морде не хлестал. Рассказывают, что гневался за особую тупость и нерадивость, и тогда звал провинившегося к себе в кабинет, где, по отзывам очевидцев, «громыхал» – распекал на все корки и топал ногами, но это и всё. Про Наталью Семёновну и говорить нечего – курица, поповская дочка, кисея да фортепьяна! Такая муху не обидит, а обидит – слезами умоется. Правда, дружили покойнички с кой-каким старым начальством, да кому это теперь интересно!

Самому Илье в вину можно поставить разве что его подозрительную беспартийность. Тут, пожалуй, есть над чем подумать. Если толково подойти к делу, то можно преподнести это как политическую неблагонадёжность – уж в этом Ивахнюк поднаторел за время работы в райкоме. Надо поспрашивать народец на железке, может, что и выгорит. Есть ещё и Зоя, старшая сестра. Вот бы кого взять в разработку: вышла замуж за коммерсанта, богатенького грека. Значит, у соседа есть классово чуждая родня за границей, что само по себе могло быть серьёзной компрометацией – да ведь он беспартийный! Но если взяться за дело с умом...

И вот ещё: эта его жена. Тоже тёмная лошадка. Что про неё известно? Откуда взялась? Гришка знал только, что Екатерина Егоровна – приезжая, Ильа её чуть ли не на вокзале подобрал. Не мешает узнать, как там всё было на самом деле.

Следующие несколько месяцев прошли впустую. На «железке» никто про инженера Дедова слова худого не сказал. «Ну, не может того быть! – злился Григорий. – Чтоб человек столько лет рабочим классом командовал и ни разу никого не обидел?!» Ведь наверняка среди работяг всякие попадаются – и ленивые, и нерадивые, и выпивают, небось. И что же – никого не погнал? Или не отругал хотя бы? Правда, раз нашептал ему *свой человечек*: есть такой Федька, путевой обходчик, забулдыга и дебошир. Вроде бы Дедов на него зуб имеет и неоднократно его прорабатывал при всех так, что мама не горюй. Григорий этого Федьку в буфет вокзальный заманил, проставился. Выждал, пока обходчик дошёл «до кондиции» – уж в чём-чём, а в степенях опьянения бывший сиделец знал толк! – и завёл с ним душевный разговор. Когда пьяненький Федька начал слезливо жаловаться «на жисть», Гришка решил: пора. Осторожно, как бы походя навёл разговор на начальство. Обходчик, который к этому времени уже начал подпускать матерное словцо, с наслаждением принялся костерить своего бригадира, и стало ясно, что разговор уходит в другую сторону. И тут-то Ивахнюк ввернул фамилию Дедова... Федька замолчал на полном скаку, шмыгнув красным носом и уставился на собутыльника мутными влажными глазами. Тогда, чтобы не выдать своего интереса, Гришка взял бутылку, налил себе и собрался было плеснуть своему «информатору». Однако тот решительно накрыл стакан дрожащей грязной рукой.

– Усё. Благодарствуйте...

Ивахнюк крепко выругался про себя и, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией, спросил:

– Ты чего?

– Пора мне.

– Так ещё же осталось! И ты мне не досказал, что там с инженером-то...

– А шо с анженером?

– Ну вроде, обижает он тебя...

– Кто?..

– Кто, кто! Инженер, ясный пень! – Гришка начал терять терпение.

– Какой анженер?.. – упёрся обходчик. – Я тебе ни про какого анженера не говорил. Я тебе про Миронченко талдычу, про бригадира нашего...

– Неееет, дружок, брешь! Ты сам только что сказал, Дедов его зовут!

– Дедов? Это Ильа Аркадьич что ли? А на шо он тебе?

– Ну как же, ты сам сказал: начальство житья не даёт...

– Так то начальство! А то Илья Аркадьич!

– А разве он тебе не начальник?

– Начальник-то начальник, да не мне, а МIRONЧЕНКЕ...

– Раз МIRONЧЕНКЕ – значит и тебе, дурья башка!

Федька на несколько минут задумался. Потом снова перевёл взгляд на Ивахнюка.

– Ты вот что. Ты Аркадьича-то с МIRONЧЕНКОЙ на одну доску не ставь!

– Чего так? – задиристо откликнулся Гришка. – Подумаешь, недотрога какая!

Федька вдруг грузно поднялся, с грохотом отодвигая стул, и просипел перегаром в лицо Ивахнюку:

– Я те шас покажу недотрогу!.. Ты!.. Ты! – он ткнул Гришке в грудь грязным пальцем. – Да что ты знаешь про Илью Аркадьича! Да он мне, – ободчик неловко выпрямился, ударил себя кулаком в грудь, пошатнулся и снова опёрся о стол, – Мне, Федьке-пропойце, руку подаёт! Это он не дал МIRONЧЕНКЕ меня уволить, чтобы дети мои не голодали, а ты!.. – он было снова ткнул пальцем в Гришкину грудь, но тот отстранился. – Эээ!..

Федька махнул рукой и нетвёрдой походкой направился к выходу.

На третий день после этого, придя в райсовет, Ивахнюк не пошёл, как обычно, в свой кабинет, а свернул в то крыло, где располагался ЗАГС. «Светиться» было не к чему, и он, чтобы не называть фамилий, заранее выяснил, в каком году женился Илья. Он затребовал акты за этот год под предлогом «проверки фактов биографии кандидатов в члены партии» и, устроившись у окна, принялся листать книгу регистрации браков. Нужной фамилии, однако, в ней не нашлось, и он сказал об этом заведующей отделом.

– А тогда, Григорий Степаныч, вам в церкву надо! Тогда ещё почти все венчаться ходили.

Но церковь тебе не райсовет, там подход нужен – а его-то как раз у Гришки и не было! Жил он в чулане у целовальника, воспитывался всеми, кто имел охоту, и крестным знамением себя осенять худо-бедно научился. Однако никогда не задумывался, зачем он это делает – просто в уместные моменты рука механически складывалась в щепоть и вскидывалась ко лбу, проделывая в нужной последовательности необходимые движения. А будучи хлопцем смекалистым и умеющим слушать, постепенно сложил из кусочков своих детских впечатлений кой-какую мозаику православной веры. Но знание это, как и все прочие, было для сироты только средством выживания в этом неласковом мире: хочешь, чтобы тебе доверяли – будь как все! Несколько раз в год он, вместе с хозяевами, говел, не придавая особого значения тому, будет ли на его ломте хлеба кусок сала или нет – лишь бы был хлеб. А по окончании поста с чадами и домочадцами целовальника ходил «у церкву», привычно крестясь в положенные моменты службы. Плохо понимая речитатив священников, развлекался тем, что разглядывал иконы, а повзрослев – и прихожан: выискивал знакомые лица, припоминал городские сплетни и слухи, ощупывал глазами хорошеньких девушек... Правда, проповеди любил, хотя никогда бы в том не признался никому из сверстников. Проповеди заменили ему сказки, которых никто никогда Гришке не рассказывал, да и вообще любое чтение. Он терпеливо ждал того момента службы, когда батюшка выйдет к пастве и начнёт свой монолог. Со временем даже запомнил последовательность молебствия и, когда начиналось причащение клира, сразу становился собранным и серьёзным.

Во время самой проповеди услужливая Гришкина память подсказывала ему подслушанные городские сплетни или увиденные сцены, которые служили ему иллюстрациями как описываемых пороков, так и добродетелей. Но чаще всего это были происшествия, в которых он был непосредственным участником. Мальчиком он верил, что всех его обидчиков настигнет гнев Божий, и эти мысли давали ему тайную отраду в одинокие ночные часы – с этого и началось его пристрастие к проповедям. Ворочаясь на своём жёстком топчане, иногда глотая слёзы незаслуженной обиды, а иногда с сухими, горящими от бессильного гнева глазами, он пред-

ставлял себе все те кары, которые обещает Писание нераскаявшимся грешникам. Но с годами понял, что наказание это отсрочено и к тому же ни он сам, ни кто другой никогда его не увидят, и поэтому оно почти что не существует, в то время как его забитая, изломанная душа жаждала немедленной сатисфакции. Оглядываясь вокруг, он видел, что люди добрые и жалостливые неизбежно становятся потерпевшей стороной. Иногда достаётся и негодяям, но эти хоть время от времени выходят победителями. А вот хорошие люди почти никогда. И тогда Гришка взял судьбу в свои руки.

А спустя время он внезапно обнаружил, что и сам может служить примером грешников, о которых рассказывал священник. Наверное, поэтому под благословение подходил робея, и эта робость отчего-то не ушла с годами. Как будто ошмётки его заблудшей души всё ещё тревожили совесть.

10

И вот теперь, стоя перед церковными воротами, он мысленно перекрестился. Теперь ему как члену РСДРП (б) было этого делать не положено. Но кепку, входя, всё-таки снял.

В западные арочные окна церкви падали косые лучи, отчётливо прочерченные в мареве пылинок. «Откуда здесь пыль?» – мысленно удивился Гришка. В самом деле, храм сиял чистотой: золотились тщательно протёртые чьими-то заботливыми руками оклады икон, медные и латунные подсвечники и прочая утварь; пол был недавно вымыт – на истёртых подошвах досках ещё видны были влажные следы; да и сами окна поражали прозрачностью, о которой служащие райсовета могли только мечтать. «Интересно, кто им окна моет?» – подумал хозяйственный Ивахнюк, стоя посреди храма и с наслаждением вдыхая его прохладный воздух, настоящий на старом дереве, воске и ладане. До вечерни был ещё целый час, и в храме было пусто. Только под образом святого Пантелеймона-целителя шептала молитву старая казачка в цветастом платке да бесшумно перемещался в алтаре служка-подросток, подготавливая всё к молебну.

Гришка переложил в левую руку кепку и откашлялся. Мальчик посмотрел на него и произнёс высоким ломающимся голосом:

– Вам что-то нужно?

– Мне надо посмотреть церковные книги. Для документов.

Подросток вышел из алтаря и приблизился. Это был мальчик лет четырнадцати-пятнадцати, с прямыми, сильно отросшими чёрными волосами и по-девичьи нежной и чистой кожей, сквозь которую начинала пробиваться борода. Глядя на пришедшего безмятежными карими глазами с голубоватыми белками, он сказал:

– Это вам к отцу Мефодию. Надо испросить его разрешение, и тогда диакон выпишет вам справку. Извольте пройти за мной.

Спустя полчаса Ивахнюк, окрылённый невероятной удачей, уже бодро шагал в сторону райсовета. Ведь, по правде говоря, он и не думал, что сегодняшний визит даст такой ошеломительный результат! Он рассчитывал на то, что придётся как следует покопаться, ведя переписку и выискивая необходимые факты, по крохам собирая компромат до того количества, которое «там» сочтут достаточным для ареста. Но сейчас у него в кармане пиджака лежала настоящая бомба!

Гришка сунул руку в карман и нащупал прохладный, вчетверо сложенный листок бумаги, на котором значилось, что такого-то числа такого-то месяца такого-то года раб божий Илья Аркадиев сын Дедов венчался с девицей Екатериной Егоровной Корниловой. Корниловой! Здесь, в южных губерниях, ещё свежи воспоминания о рейдах генерала Лавра Корнилова. И пусть даже генерал не был отцом соседки – хотя кто знает? – этот факт, должным образом поданный, вполне может привести к вожделенному результату...

Но надо всё хорошо обдумать. Если поспешить, то можно всё испортить. Так что сегодня он не пойдёт в ОГПУ: утро вечера мудренее!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

На другое утро после того, как арестовали Ваниных родителей, дядя Лёша принёс с чердака доски и расширил Борькин топчан в кладовой. Весь следующий месяц он пытался узнать хоть что-то о судьбе Дедовых. Из знакомых точно знать о них мог только Ивахнюк, но Алексею Петровичу сама мысль о том, чтобы к нему подойти, была нестерпима. А идти в ОГПУ значило подвергать опасности своих близких, не говоря уже о том, что правды ему там всё равно бы не сказали. Крепко подумав, он подошёл к председателю железнодорожного парткома: тот был человек классово и идейно близкий и имел полное право поинтересоваться судьбой лучшего инженера своего предприятия.

– Понимаю тебя, Алексей Петрович, и сочувствую. Мне самому жаль терять такого специалиста... Да и человек он хороший. Честный, правильный. Вот только женился необдуманно...

– Что ты такое говоришь, товарищ Левченко? Я знаком с Катериной Егоровной восемь лет и ничего, кроме добра, от неё не видел!

– Так-то оно так... Но известно ли тебе, что фамилия твоей соседки – Корнилова?

– Вооот оно что! – отозвался Матвеев осипшим голосом. – А я-то думаю: как же эта гнида Ивахнюк себе жилплощадь сумел расчистить!

– Ну-ну-ну, ты это оставь! Это не нашего с тобой ума дело. И мой тебе совет: если не хочешь разделить судьбу своего друга – держи это при себе!

Алексей тяжело опустил на стул и замолчал, нахмутив брови.

– Ты кури, если хочешь, – сказал Левченко и подвинул к нему пачку папирос. Матвеев покосился на пачку, но папиросу не взял – достал из кармана кiset, свернул самокрутку. Так они сидели в тяжёлом, вязком молчании, и казалось, что дым от их сигарет – это невысказанные мысли, которые выются вокруг, смешиваясь и образуя причудливые фигуры.

Наконец Левченко выдохнул облако дыма и сказал:

– Я слышал, ты хлопца Дедовского к себе забрал. Дело твоё, но гляди в оба. Теперь один неверный шаг – и тебя тоже возьмут в обмолот!

– Я Ваньку не брошу, дело решённое, – ответил Алексей. – Я Дедовым всем обязан, они мне как семья. Но мне надо знать, как с ним поступить. Сам понимаешь, теперь его фамилия ему как клеймо. Если с Ильёй и Катериной дело гиблое, то мы с Евдокией хотим его усыновить и дать ему нашу фамилию.

– Хорошо. Узнаю, что смогу.

Недели две спустя состоялось заседание парткома. Когда оно закончилось и народ стал расходиться, Левченко, стоя у двери, попросил Матвеева задержаться. Закрыв дверь за последним выходящим, коротко сказал, глядя Алексею в глаза:

– Я выполнил твою просьбу, Алексей Петрович. Можете забирать вашего хлопчика, – и распахнул дверь.

Алексей ничего не ответил, молча вышел из конторы на перрон, глубоко втянул сырой и холодный воздух, так привычно пахнувший креозотом, которым смазывали шпалы. Выдохнул облачко пара – скоро зима!

«Расстреляли!»

Иначе ему не разрешили бы усыновить мальчика. А теперь он сирота! И у него нет никого на свете, кроме них – дяди Лёши, Дуси и Борьки. Таким же сиротой был и сам Алексей, когда Аркадий Валерьяныч, Ванин дед, привёл его в училище. Мамка работала на железке – мыла вагоны, отца Алексей не знал. Слышал только непонятные разговоры за спиной: Тонька-шалава с проезжим машинистом нагуляла, в подоле принесла – родители её и выгнали! Со временем

разговоры поутихли – у местных кумушек нашлись другие предметы для сплетен, Алексей вырос и помогал матери. Жили они в бараке при станции, и как-то он забрёл в депо. Всё там пугало и манило одновременно: от вида циклопических внутренностей огромных паровозов захватывало дух, а перепачканные в мазуте люди казались героями, покорившими чудовищ. Один из них наконец заметил парнишку, заморожённо глядевшего на это действо из тёмного угла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.